

A person with a backpack is seen from behind, looking down a street in a ruined, overgrown city. The street is covered in moss and debris. In the background, tall, damaged buildings rise into a hazy sky, with many power lines and wires hanging down. The overall atmosphere is one of desolation and decay.

Светлана Дроздова

Хронокорректор. Синхронизация нуля

Светлана Дроздова

**Хронокорректор.
Синхронизация нуля**

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Хронокорректор. Синхронизация нуля / С. В. Дроздова —
«Автор», 2026

В мире, где время — это не физическая константа, а хрупкая нить, подлежащая жесткому протоколу, Глеб — идеальный винтик системы. Он инспектор Службы хронологической безопасности, "дворник реальности", чья работа — незаметно убирать последствия путешествий во времени за богатыми туристами. Рутинная, стерильная жизнь и холодная постель — всё, что ему осталось после предательства и гибели колонии "Эдем". Но однажды ему бросают вызов. Судьба человечества висит на волоске, и единственный, кто может помочь, — его бывшая жена Кира, гениальный генетик, заключенная в тюрьму за тот самый саботаж. Их совместная миссия в дикий и смертоносный палеоген — не просто охота на чудовище. Это ловушка, где их чувства, ненависть и любовь, становятся главным оружием против бездушной системы, которая хочет превратить людей в послушных зверей. Смогут ли они вспомнить, как быть людьми, чтобы спасти человечество?

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Хронокорректор. Синхронизация нуля

Глава 1. Утро, которое не наступило

«Инструкция по завариванию синтетического кофе №4-Бис. Пункт 1: Убедитесь, что вы существуете».

Блок А: Ритуал пробуждения и сенсорная депривация (08:00 – 08:15)

Щелчок электромагнитного замка ударил по барабанным перепонкам ровно в ноль восемь ноль-ноль. Это был звук начала времени. Не восход солнца, не пение птиц, не запах жареного бекона из детства, которого у инспектора Службы хронологической безопасности отродясь не было. Только сухой, безэмоциональный лязг металла о металл.

Тяжелые свинцовые жалюзи поползли вверх со скоростью замерзающей смолы. За бронированным стеклом типового жилого блока СХБ не было неба. Там была лишь бесконечная вертикаль таких же серых кубов, уходящих во мглу искусственного смога двадцать второго уровня мегаполиса. Свет, хлынувший в комнату, имел оттенок застиранной больничной простыни — ровный, стерильный, лишенный теней. Спектральный анализ показывал идеальное соответствие протоколу «Утро-Стандарт», утвержденному еще в прошлом веке. Для Глеба этот свет ничем не отличался от полуденного, вечернего или света глубокой среды марта две тысячи сто сорок второго года. Времени суток больше не существовало. Остались только смены.

Глеб спустил ноги с койки. Полимерное покрытие обожгло ступни мертвенным холодом. Никакого ворса, никакого дерева, никакой естественной фактуры. Идеально гладкая поверхность, на которой пыль считалась нарушением санитарных норм восьмого порядка. Он встал, и первый шаг отозвался глухим шлепком. Второй, третий, четвертый. Босые пятки выбивали по линолеуму монотонный ритм. *Шлеп. Шлеп. Шлеп.*

Сознание включилось с задержкой, словно старый видеопроектор. Тело уже выполняло заложенную программу: дойти до санузла, спустить воду, плеснуть в лицо химически нейтральную влагу. А мозг начал свой ежедневный сеанс едкого внутреннего стендапа.

«Доброе утро, мистер Восстание Масс, — мысленно протянул Глеб, глядя на свое отражение в стальной раковине. — Как спалось в гробу инноваций? Сны были цветными или корпорация сэкономила и на этом?»

Он ненавидел утро не потому, что хотел спать. Сон для хрооинспектора был такой же регламентированной биологической функцией, как дефекация. Три часа сорок минут глубокого погружения под нейростимуляторами восстанавливали нервную систему полностью. Он ненавидел утро за его абсолютную предсказуемость. За то, что оно пыталось обмануть его иллюзией нового дня, хотя календарь давно превратился в замкнутую ленту Мёбиуса.

Из кухонной ниши раздался жалобный механический писк. Кофемашина последней модели, гордость бытового сектора СХБ, мигала красным диодом. На голографической панели над носиком парила надпись: «Ошибка 7-Дельта: Несовпадение молекулярной плотности брикета».

Глеб скривился. Молекулярная плотность. Кто-то в отделе снабжения решил, что инспектор, ежедневно латающий дыры в пространственно-временном континууме, не достоин пить нормальный эрзац, если запаянный брикет пережат на три микрона левее стандарта. Машина заблокировала подачу воды. Пайковый день официально еще не начался.

— Ну давай, поборемся, — прошептал Глеб.

Он опустил на короточки перед агрегатом. Движение было отработано до автоматизма. Тонкое титановое лезвие универсального ключа — предмета, который формально не входил в список разрешенных бытовых инструментов — вошло в щель сервисной панели. Два щелчка фиксаторов. Глеб замкнул контакты реле питания напрямую, пустив ток в обход датчика плотности. Красный диод обиженно моргнул и сменился равнодушным зеленым.

Это заняло четырнадцать секунд. Мелочь. Но пункт 3 подпункта «г» техники безопасности жилой ячейки гласил: «Любое несанкционированное вмешательство в работу распределителей пайка приравнивается к порче государственного имущества». Первое крошечное преступление дня. Глеб почувствовал мимолетное, почти забытое тепло где-то под ложечкой. Знак того, что он все еще способен влиять на материю вокруг себя. Это задаст тон всему дню. Если тебя пытается сожрать система, начни с завтрака.

****Блок Б: Завтрак как акт бюрократического сопротивления (08:15 – 08:30)****

Процесс приготовления кофе №4-Бис был единственным актом осознанного творчества в жизни Глеба. Все остальное — прыжки, инъекции, отчеты — было копирастом чужих жизней. Здесь же он был демиургом двухсот миллилитров бурой жидкости.

На магнитной конфорке закипела вода. Глеб не доверял встроенному термостату машины. Он коснулся поверхности пальцем, используя едва заметный имплант тактильного усиления в подушечке указательного пальца. Вода должна быть живой, но не кипящей. Девяносто четыре градуса по Цельсию. Ни градусом выше — разрушатся остатки эфиров, имитирующих аромат Арабики. Ни градусом ниже — экстракция будет неполной, вкус уйдет в плоскую горечь жженой целлюлозы.

Пока вода доходила до кондиции, он взял чашку. Фарфор. Настоящий, добытый черт знает какими путями через черный рынок антиквариата лет пять назад. Белый, тонкий, звонкий. Протокольные кружки СХБ делались из мягкого пластика, чтобы инспектор случайно не вскрыл себе вены в приступе экзистенциальной тоски. Глеб предпочитал рисковать фарфором.

Он установил кофемашину на ручной режим. Угол наклона чашки — ровно сорок пять градусов. Струя горячей воды ударила в порошок. Она должна литься по идеальной параболе, вымывая центр насыпи и создавая воронку. Время пошло. Двадцать три секунды. Глеб считал про себя, синхронизируя пульс с падением капель. Двадцать... двадцать один...

Машина коротко вздохнула гидравликой, выдавая последние капли густой, маслянистой эссенции. Пенка получилась цвета темного шоколада, с одной-единственной идеально круглой порой посередине. Произведение искусства. Преступление против экономики потребления.

Глеб поднес чашку к лицу. Первый вдох. Запаха кофе не было. Вместо него рецепторы уловили озон после грозы, холодный привкус медицинского спирта и легкую, звенящую ноту оплавленной медной проводки. Для обычного гражданина мегакорп, привыкшего к сладким газированным сиропам, это варево показалось бы биологическим оружием. Для Глеба это был амброзия. Вкус свободы. Вкус нарушения протокола автоматической выдачи. Каждый раз, делая глоток этого химического ада, он символически плевал в лицо Совету Директоров СХБ.

Он сделал глоток. Жидкость прокатилась по языку, выжигая вкусовые сосочки. Горло обожгло. Мир на секунду стал четче.

Свободной рукой Глеб провел над центром обеденного стола. Воздух дрогнул, уплотняясь в полупрозрачный экран. Голографический интерфейс утренней сводки развернулся прямо над недоеденным протеиновым батончиком. Стандартная сетка новостей. Никаких войн. Никаких глобальных катастроф. Эпоха великих потрясений закончилась вместе с изображением темпорального стабилизатора. История стала скучной рутинной.

Заголовок номер один: «Сектор Тау-Кита, орбита газового гиганта. Попытка нелегальной темпоральной экскурсии. Туристический бот класса "Викторианская Англия" (модель 1892 года) ошибочно материализовался внутри астероида JD-404-B».

Дальше шли сухие цифры телеметрии. Масса астероида. Плотность кремния. Скорость столкновения. Бот расплющило в железную лепешку за наносекунды. Автоматика сработала штатно, изолировав временной всплеск силовым полем. Никто не погиб — туристы даже не успели осознать смерть, их нейросети просто отключились от болевого шока. Сбой устранен автоматически. Штраф выписан наследникам организатора тура.

Глеб допивал свой радиоактивный кофе, скользя взглядом по строкам. Исчезновение вида редких слизней в системе Прочиона из-за неудачного чиха колониста. Изменение оттенка атмосферы Венеры на одну миллионную долю спектра из-за сбоя фильтра посадочного модуля. Скука абсолютная. Они превратили охрану времени в бухгалтерию. В аудит мироздания. И платили ему за то, чтобы он был самым высокооплачиваемым счетоводом в истории человечества.

****Блок В: Экипировка и психология мундира (08:30 – 08:45)****

Голосовой замок шкафа пискнул, распознавая тембр. Толстая переборка отъехала в сторону. Внутри висели они. Десятки абсолютно идентичных комбинезонов темно-серого цвета. Униформа Службы хронологической безопасности.

Ткань представляла собой сложный метаматериал. Самовосстанавливающаяся, огнеупорная, способная выдержать кратковременный контакт с открытым вакуумом. Умная ткань, которая стирала с себя кровь, пот и грязь чужих эпох. Идеальная кожа системы.

Глеб провел пальцами по рядам. Сегодня выбор пал на комплект с серийным номером 774-B. Комбинезон соскользнул с плечиков ему в руки. Материал был прохладным и странно тяжелым, несмотря на визуальную легкость. Процесс одевания напоминал обряд облачения в доспех. Сначала внутренний слой, плотно облепляющий тело, подключающийся к портам метаболического контроля на поясице. Затем внешняя оболочка. Молния сошлась на груди с тихим гидравлическим шипением, герметизируя скафандр.

На правом локте ткань имела едва заметное изменение структуры. Микрopotертость, матовое пятно размером с монету. След прошлой миссии. Случайный ожог жидким азотом при закрытии портала в криогенном секторе Европы. По уставу он должен был сдать комбинезон в чистку сразу после возвращения. Автономные прачечные СХБ использовали ультразвук и ферменты, которые растворяли любое органическое и неорганическое загрязнение, возвращая ткани заводское состояние.

Но Глеб игнорировал предписание. Эта шероховатость под пальцами была якорем. Напоминанием о том, что там, внизу, температура опускалась до минус ста восьмидесяти, а лед трескался под весом многокилометровых трещин. Это был след реальности. Его молчаливый, пассивно-агрессивный протест против корпоративной политики стирания личной истории. Система хотела, чтобы каждый его день был чистым листом. Глеб оставлял пятна.

Рабочий пояс защелкнулся на талии. Глухие, удовлетворяющие металлические щелчки стали саундтреком утра:

- * Нейро-стазер. Черный, эргономичный, удобно лежащий в ладонь. Мощность жестко ограничена блоком управления — максимум второй уровень, глубокий паралич двигательных функций. Убивать нельзя. Время слишком дорого стоит, чтобы разбрасываться живыми парадоксами.

- * Анализатор темпоральных линий. Размером с зажигалку времен сухого закона. Холодный металлический цилиндр. Глазок линзы тускло мерцает фиолетовым. Главный инструмент поиска аномалий.

- * Инъектор с универсальным антидотом. Набор сывороток от вирусов палеолоядра до нейротоксинов эпохи Великого Объединения. Одноразовый шприц-перчатка.

- * Маячок возврата. Последняя страховка. Миниатюрный маяк, спрятанный в полости здорового коренного зуба. Чтобы найти агента, если его разорвет на атомы между ветвями вероятностей. Глеб коснулся щеки языком, чувствуя гладкую керамику импланта. Мысль о нем всегда вызывала фантомную зубную боль.

Последним штрихом стал воротник. Высокий, жесткий, закрывающий кадык. Глеб подошел к зеркалу в полный рост. Из зазеркалья на него смотрел идеальный винтик. Лицо человека, пропущенного через промышленный шлифовальный станок. Никаких эмоций, никаких лишних морщин, взгляд прозрачный, как стекло иллюминатора. Жизнь обработала его напильником до состояния функциональной единицы.

Он поправил воротник, чуть сдвигая его вправо. Совсем немного, миллиметра на три. Ровно настолько, чтобы скрыть под плотной тканью едва заметный, белесый шрам от того самого ожога. Маленькая человеческая слабость. Тайна, которую знал только он сам.

****Блок Г: Патрулирование мел-палеогенового периода (08:45 – 09:15) [Переход]****

Капсула хроно-коррекции встретила его запахом озона и раскаленного кварца. Ложемент пришел в движение, сканируя габариты тела. Мягкие, но неумолимые захваты зафиксировали конечности, плечи, шею. Капсула закрылась, превратившись в глухой серый кокон. Абсолютная изоляция.

Пространство внутри начало меняться. Давление упало, затем резко скакнуло вверх, заставив барабанные перепонки болезненно нырнуть. Переход никогда не был красивым. В

дешевых исторических голофильмах герои проваливались сквозь радужные водовороты времени под эпическую музыку. В реальности это ощущалось как затяжной удар в живот и тошнота, поднимающаяся от желудка к самому мозгу. Унизительно бытовой процесс. Как поездка в старом скрипучем лифте между этажами заброшенной многоэтажки. Скрежет тросов, темнота, остановка.

Удар. Зеленый свет.

Ложемент плавно разжал объятия. Глеб сел, борясь с привычной дезориентацией. Легкие жадно втянули воздух снаружи.

Жара навалилась тяжелой, влажной волной. Сто процентов влажности. Воздух пах гниющими папоротниками, прелой землей, сладковатой пылью гигантских цикад и чем-то первобытно мускусным. Небо над головой было неправдоподобно, невозможно синим. Таким синим, каким бывает только пластик детских игрушек или глаза безумцев. Солнце — огромный белый диск — плавило горизонт.

Меловой период. Примерно шестьдесят шесть миллионов лет до Рождества Христова. Райский сад, кишаший смертью.

Глеб выпрыгнул из приземлившейся капсулы. Хромированные опоры аппарата глубоко ушли в мягкий ил болотистой низины. Металл тут же покрылся испариной конденсата.

В десяти метрах от него, лениво переставляя массивные задние лапы, стоял тираннозавр рекс. Монстр пил воду из мутной лужи, образовавшейся в отпечатке его же собственного следа. Чудовищная голова опускалась вниз, издавая утробное бульканье. От зверя шел плотный жар, как от разогретого локомотива.

Рядом с левой задней лапой динозавра, нарушая пасторальную картину похлеще граффити на фреске Да Винчи, возвышался розовый пластиковый биотуалет. Новенький, блестящий, с логотипом СХБ на дверце. Рядом на колышке висела табличка: «Объект временной инфраструктуры. Код доступа: 99-Синий. Не занимать. Штраф 500 кредитов».

Контраст ожиданий и реальности убивал всякий романтизм профессии быстрее, чем радиация убивает клетки эпителия.

Цель миссии обнаружилась в высокой траве, ярдах в пятидесяти от точки высадки. Глеб активировал камуфляж-компенсатор на плече. Серый комбез пошел рябью, сливаясь с дрожащим от зноя воздухом. Теперь он был для местной фауны просто странным тепловым искажением.

Турист лежал лицом вниз, запутавшись ногами в древовидных папоротниках. Богатый бездельник из двадцать третьего века. На нем был модный сафари-костюм из кожи искусственно выращенного саблезубого тигра, стоящий как годовой бюджет небольшой колонии. Широкополая шляпа слетела, обнажив идеальную, явно оплаченную генетиками линию роста волос.

Причина вызова пульсировала красным маркером на внутреннем визоре Глеба. Нарушение Первого Контакта. Субъект совершил физический контакт с эндемичной флорой и фау-

ной. Конкретнее — наступил на бабочку. Обычную капустницу, размазанную по рифленой подошве его дорожных ботинок.

Закон Брэдли никто не отменял. Раздавленная насекомая могла изменить траекторию эволюции растений, лишит пищу вид мелких грызунов, те не размножатся, хищники умрут от голода, пищевая цепь рухнет, и через миллионы лет предок приматов не получит нужный белок для развития мозга. Человечество исчезнет, так и не родившись. Миллиарды жизней в обмен на одно хрустнувшее под каблуком тельце.

****Блок Д: Исправление и экзистенциальная тошнота (09:15 – 09:30)****

Глеб преодолел расстояние за считанные секунды. Опустился на одно колено рядом с туристом, загораживая его телом от возможного появления велоцирапторов. Тираннозавр вдали продолжал свое бульканье, ему не было дела до проблем млекопитающих.

Пальцы Глеба профессионально нашли точку пульса на шее парня. Сердце билось часто, но ровно. Адреналиновый шок.

— Эй, богатеи, — тихо позвал Глеб, отстегивая от пояса иньектор. — Очнись. Ты просто упал.

Парень замычал. Глеб приложил иньектор к сонной артерии. Игла безболезненно вошла под кожу, впрыскивая коктейль из легкого стимулятора и специального антидота забывчивости. Препарат краткосрочной ретроградной амнезии. Через десять минут парень будет помнить только то, что поскользнулся на мокром листе.

Веко туриста дернулось. Он открыл глаза — ясные, голубые, с расширенными от ужаса зрачками. Взгляд сфокусировался на лице Глеба. Парень попытался сесть, путаясь в стеблях папоротника.

— Whoa... I fell? — прохрипел он, хватая ртом влажный воздух. — This fern is slippery as hell. Thanks, ranger. You speak English?

Глеб молча кивнул. Профессионально. Без лишних слов. Программа поведения диктовала строгий нейтралитет. Нельзя давать зацепки для памяти.

— Sprained ankle, — сухо бросил Глеб, помогая ему встать. — Portal is that way. Go back to your time. Don't touch anything.

Турист глупо улыбнулся, принимая помощь. Опираясь на плечо Глеба, он заковылял в указанном направлении, туда, где воздух слегка искрил, обозначая границы открытого шлюза.

— Nice place you got here, — бросил он через плечо. — Very Jurassic Park vibe. Expensive though. Wish the guide warned about the mud.

Через минуту свечение портала поглотило его дорогую куртку. Сигнал на радаре погас. Еще одна спасенная цивилизация. Еще один бессмысленный вторник.

Глеб остался один. Экзистенциальная тошнота подкатила к горлу густым, горьким комом. Он медленно опустился на корточки. Спас миллиарды будущих жизней. Остановил каскадную энтропию. Починил время. Герой невидимого фронта.

Теперь нужно было убрать мусор.

Он достал из поясной сумки анализатор темпоральных линий. Прибор тихо зажужжал, сканируя почву. Фиолетовый луч прошелся по тому месту, где топтался турист. Данные побежали по внутреннему стеклу визора. Уровень отклонения: критический. Бабочка мертва. Масло с ее крыльев осталось на подошве, чешуйки смешались с грязью. Нарушение протокола первого уровня. Фатальный сбой матрицы причинности.

Глеб тяжело выдохнул, облачко пара сорвалось с губ в душном воздухе мезозоя.

Из другого кармана он извлек плоский контейнер. Внутри, на мягкой подложке, лежала она. Генетический дубликат. Абсолютно точная копия той самой раздавленной капустницы, созданная полчаса назад в лаборатории СХБ на основе образца ДНК, взятого из воздуха этого же периода.

Работа требовала хирургической точности. Глеб аккуратно поддел останки настоящей бабочки тонким титановым пинцетом и отбросил их в кусты — пусть местная экосистема переварит ошибку будущего. Затем он нанес микроскопическую каплю биоадгезива на широкий лист лопуха. Положил пластиковую копию. Нажал кнопку активации симулятора мышечных волокон.

Крылья куколки дрогнули. Замерли. И начали двигаться. Медленно, ритмично. Вверх-вниз. Имитация полета. Система мониторинга, висящая невидимой сетью над этим куском планеты, зафиксировала взмахи крыльев. Алгоритмы посчитают турбулентность воздуха. Матрица причинности схлопнется обратно в норму. Будущее спасено благодаря кусочку полимерной пленки и сервоприводу.

Глеб сидел на корточках, глядя на эту пошлую, отвратительную в своей педантичности подделку. До конца смены оставалось семь часов. Впереди ждали юрский период с его тектоническими разломами и кембрий с его тошнотворными трилобитами.

Он понял это с пронзительной, оглушающей ясностью. Он — не бог времени. Он не вершитель судеб. Он даже не полицейский. Он — уборщик. Самый дорогой, самый квалифицированный дворник в обозримой Вселенной. Человек, чья работа заключается в том, чтобы незаметно подбирать блевотину и растоптанных насекомых за пьяными гостями вечности, пока хозяева делают вид, что вечеринка проходит безупречно.

Спасение мира пахло не порохом и героизмом. Оно пахло дешевым клеем и жженым пластиком репликаторов.

Глеб спрятал анализатор. Поднял голову, разминая затекшую шею.

В паре метров от него, бесшумно раздвинув заросли папоротника, стояла самка велоцираптора. Ящер был размером с крупную собаку, покрыт яркими полосатыми перьями, как сойка. Его желтые немигающие глаза смотрели прямо на Глеба. Компенсатор маскировки

скрывал тепловой контур, но не мог обмануть острый нюх хищника. Однако раптор не проявлял агрессии. За спиной матери, припав к земле, копошились трое детенышей. Один из них неуклюже прыгнул на толстого грызуна, промахнулся, пискнул и получил легкий, но увесистый удар клювом от родительницы. Методичные уроки охоты. Настоящая, дышащая, честная смерть. Великий фильтр природы, работающий без протоколов и инъекций антидотов.

Глеб встретился взглядом с рептилией. В глазах животного не было интеллекта, но была абсолютная, кристальная цель. Выжить. Накормить потомство. Убить, чтобы жить.

Зависть — острая, ядовитая — кольнула инспектора под ребро. Этот покрытый перьями кусок мяса хотя бы точно знал, ради чего убивает. Ради тепла крови во рту. Ради продолжения рода. У его жестокости был смысл, выкованный миллионами лет эволюции.

А ради чего здесь сидел Глеб? Чтобы какой-то мажор из будущего смог похвастаться друзьям фотографиями с настоящим тираннозавром, не боясь, что дедушка невесты не родится из-за помятой травы?

Рапторица фыркнула, выпустив струйку теплого воздуха, и неторопливо повела свой выводок прочь, вглубь леса. Хищник ушел искать настоящую добычу.

****Блок Е: Выход (Мостик ко второй главе)****

Запястье кольнуло холодом. Зеленое свечение таймера стало интенсивнее. Пятнадцать секунд до принудительного извлечения.

Портал вспыхнул в трех шагах слева. Идеально круглый проем, за которым клубилась серая муть межвременного шлюза. Домой. В бетонный куб. К холодной постели. К ошибке кофейного автомата, которую придется исправлять снова.

Глеб поднялся. Колени хрустнули. Он посмотрел на свои руки в перчатках. Они были покрыты слоем древней пыли, соком растений и чужой историей.

Прежде чем сделать шаг в зеленое марево, он наклонился. Что-то привлекло его внимание среди корней вывороченного дерева. Обычный земной камень. Гладкая, окатанная водой галька, иссиня-черная, с белыми прожилками кварца. Ей здесь было неоткуда взяться. В этом геологическом периоде континентальный щит выглядел иначе, реки текли по другим руслам. Камень принесли сюда другие. Или он выпал из трещины в самом времени.

Глеб подобрал его. Камень был теплым от солнца и удивительно тяжелым. Реальный. Обладающий массой, текстурой и полным отсутствием отношения к великому Плану.

Он сунул находку в потайной нагрудный карман комбинезона, специально предназначенный для контрабанды запрещенных образцов. Прятать камни от собственной службы безопасности — вот истинный пик карьеры.

Зеленое свечение портала лизнуло носки его ботинок.

Глеб шагнул вперед. Теплый ветер мелового периода, пахнувший свободой и смертью, оборвался. Его сменил знакомый запах озона, сожженной изоляции и синтетического кофе, который кто-то обязательно пролил на пол в операторской двадцатого сектора.

Серый свет ламп аварийного освещения ударил по глазам. Капсула стояла на месте. Миссия завершена успешно. Парадокс предотвращен.

Глеб прислонился затылком к холодному металлу ложементу. Пальцы сжались в кулак, чувствуя сквозь ткань угловатые грани камня. Единственное реальное доказательство того, что сегодняшнее утро вообще имело место. Что оно хоть ненадолго, но наступило.

Глава 2. Палеогеновый оазис, или Срыв покровов

«Если вы нашли в меловом периоде окурков — это контрабанда. Если вы не нашли два трупа там, где они должны быть — это катастрофа».

Блок А: Дебрифинг и сенсорный шок возвращения (09:35 – 09:45)

Зелёное марево портала схлопнулось за спиной Глеба с противным чавкающим звуком, будто гигантский язык облизал его с ног до головы и убрался обратно в пасть. Капсула хронокоррекции содрогнулась, возвращаясь в исходное положение, и Глеба мягко, но настойчиво вытолкнуло из ложементу. Он сделал шаг вперёд, и его ботинки, секунду назад утопавшие в иле мезозоя, глухо стукнули по стерильному полированному металлу десантного отсека.

Контраст был настолько резким, что Глеб на мгновение зажмурился. Там, в прошлом, воздух висел влажным, тягучим одеялом, пропитанным сладковатой гнилью папоротников и мускусным жаром гигантских ящеров. Здесь, в настоящем, в стерильных недрах Службы хронологической безопасности, воздух был сухим, холодным и безвкусным, как дистиллированная вода. Он резал ноздри, выжигал влагу из лёгких, заставляя кашлянуть. Двадцать два градуса по Цельсию. Идеальная температура для хранения оборудования и трупов. Глеб всегда думал, что между этими двумя категориями СХБ не видит разницы.

Он сделал ещё один шаг, и над его головой с тихим шипением развернулись автоматические турели. Тонкие, похожие на паучьи лапки сопла задвигались, сканируя его фигуру от макушки до пят. Глеб замер, позволяя системе выполнить положенный ритуал. Из сопел ударила мелкодисперсная взвесь — нейтрализатор спор, плесени, чужеродных микроорганизмов и всего того, что могло бы принести с собой из прошлого и случайно уничтожить настоящее. Жидкость была ледяной, она просачивалась сквозь ткань комбинезона, оставляя на коже липкую плёнку. Запах озона, которым пахло в капсуле во время прыжка, сменился удушливым, приторным ароматом больничного дезинфектанта. Глеб ненавидел этот запах. Он ассоциировался у него не со здоровьем и чистотой, а с лазаретом, со смертью, которую застирывают до белизны, пытаясь выдать за сон.

Турели умолкли и убрались обратно в панели потолка. Глеб стряхнул с плеч остатки влаги и направился к выходу из отсека. Автоматические двери разъехались в стороны, пропуская его в коридор, освещённый всё тем же ровным, бестеневым светом, который падал сюда, казалось, не из ламп, а просачивался сквозь сами стены. Серый, однообразный, неотличимый от того, что горел в его квартире, в операторской, в столовой и, наверное, в туалетах на всех двухстах уровнях этого гигантского муравейника.

Коридор был пуст. Только где-то вдалеке, за поворотом, слышались приглушённые голоса и мерный гул работающих серверов. Глеб шёл, автоматически минуя знакомые развилки. Тело уже знало дорогу к терминалу выгрузки данных, и Глеб позволял ногам нести себя, пока мысли медленно возвращались в настоящее, оставляя меловую пыль где-то в закоулках подсознания.

Терминал выгрузки представлял собой матовую чёрную колонну, в центре которой мерцал голографический интерфейс. Глеб снял с запястья браслет — широкую пластину из того же серого метаматериала, что и комбинезон — и приложил его к считывающей панели. Поверхность колонны ожила, вспыхнула сеткой голубых линий. Система приняла данные, загрузила телеметрию прыжка, координаты временной точки, запись нейроактивности инспектора и даже образцы воздуха, которые бессознательно впитал его комбинезон. Всё это упаковывалось в стандартный отчёт, сжималось, шифровалось и отправлялось в общую базу. Бессмысленный бюрократический акт, который никто никогда не читал.

На экране терминала вспыхнула зелёная строка:

«Миссия 814-Бета. Статус: Завершено. Отклонение временной линии: 0.000002%. Рекомендация: Отчёт утвердить автоматически».

Глеб усмехнулся. «В пределах погрешности мертвого насекомого» — так он окрестил эту цифру для себя. Стоило ли оно того? Человеко-час его жизни, литр синтетического кофе, полграмма инъектора амнезии и одна фальшивая бабочка стоимостью с небольшой космический челнок — всё это ради нуля целых двух десятитысячных процента. Он спас будущее. Будущее, которое даже не заметило, что его чуть не убили.

Пальцы Глеба сами потянулись к нагрудному карману. Там, прижатый к груди, лежал настоящий камень из мелового периода — тёплый, шершавый, живой. Сердцебиение отдавалось в его грани мелкой вибрацией. Глеб оглянулся по сторонам. Коридор был пуст. Он быстро вытащил гальку и, стараясь не шуметь, переложил её из кармана в специальный контейнер для улик — плоскую коробочку из прозрачного пластика, которую полагалось сдавать вместе с браслетом. В контейнере уже лежало с десятков других предметов: обломок кости какого-то доисторического зверя, кусочек окаменевшей смолы и странный металлический наконечник, который Глеб подобрал в девонском периоде и так и не идентифицировал. Все они были подделками, искусственно созданными в лабораториях СХБ и посланными с ним для соблюдения протокола. Настоящий камень остался в кармане.

Он закрыл контейнер, сунул его в ячейку сдачи, и система, щёлкнув, приняла улики. Глеб знал, что через час их просканируют, опишут, поместят в архив, и никто даже не заметит, что одна из галок на самом деле была настоящей. Контрабанда века прошла незамеченной.

Глеб прислонился спиной к холодной стене коридора, позволяя себе на секунду выдохнуть. Всё тело всё ещё помнило жар мелового периода. Фантомная испарина выступила на лбу, хотя в реальности кожа была сухой и чистой. Запах гниющих папоротников, казалось, въелся в самую глубину обонятельных рецепторов, смешиваясь с мерзкой стерильностью коридора. Он провёл рукой по лицу, стирая несуществующий пот. Пальцы дрожали. Легко, едва заметно. Каждый прыжок оставлял свой след, и с каждым годом восстановление давалось ему всё сложнее. Там, в прошлом, он был богом, поправляющим реальность. Здесь он был просто уставшим человеком в сером комбинезоне, который только что украл камень.

Он оттолкнулся от стены и побрёл к лифту. До конца смены оставалось ещё семь часов. Можно было бы вернуться в свой куб, заварить ещё одну чашку синтетического ада, полистать утреннюю сводку и, возможно, даже вздремнуть. Организм требовал отдыха. Но что-то внутри — то самое, что заставило его украсть камень, — подсказывало, что сегодня всё пойдёт не по плану.

Блок Б: Вызов «на ковер» (09:45 – 10:00)

Запястье кольнуло ледяной иглой. Глеб вздрогнул и посмотрел на браслет, который только что снял. Но сигнал шёл не от него. Где-то глубоко в черепе, на границе сознания и подсознания, зажужжал нейроинтерфейс — крошечный имплант, вживлённый в височную долю, который никогда не использовался для рутинных вызовов. Только для приоритетных. Только для «Алых».

Системный голос, лишённый эмоций, прозвучал прямо в мозгу Глеба, минуя уши:

«Приоритетный вызов. Класс: Алый-0. Отправитель: Личный кабинет Куратора. Требуется немедленное присутствие. Время на прибытие: 15 минут. Отказ от вызова приравнивается к саботажу высшей степени».

Глеб замер на месте. Кровь прилила к лицу, потом резко отхлынула, оставляя ощущение вакуума в груди. Алый-0. Это был не просто вызов. Это был приказ явиться на ковер к самому главному. К тому, кто видел всё. К тому, кто сидел на самом верху, в золотой зоне Управления, и чьё имя произносили только шёпотом, если вообще произносили. За десять лет службы Глеб получал вызовы класса «Алый» ровно дважды. Оба раза — когда его чуть не разорвало на атомы в девонском периоде. Но «Алый-0»? Это было что-то новое. Это пахло концом света. Или концом его карьеры. Или концом его жизни. С такой градацией в СХБ всегда было трудно угадать.

Глеб выдохнул, собирая разбегающиеся мысли в кулак. Паника была непозволительной роскошью. Он — инспектор Службы хронологической безопасности. Он прыгал сквозь время, латал дыры в континууме, смотрел в глаза тираннозаврам и не моргал. Он справится и с этим.

Он развернулся и быстрым шагом направился к гравилифту, минуя коридоры и служебные переходы, которые знал наизусть. Тело двигалось автоматически, а мысли лихорадочно перебирали возможные причины вызова. Миссия прошла штатно? Отклонение в пределах нормы? Может быть, какая-то ошибка в системе? Или турист из мелового периода оказался не просто туристом? Глеб стиснул зубы. Он знал, что СХБ не любит сюрпризов. И любой сюрприз, даже самый маленький, обычно оплачивался чьей-то шкурой.

Гравилифт встретил его тихим гулом. Дверь разъехалась, и Глеб шагнул внутрь, прикладывая ладонь к сенсорной панели. Кабинка была пуста — в этот час «нижники» уже отбыли на свои смены, а «вершники» ещё не проснулись. Глеб нажал кнопку верхнего уровня, и лифт плавно начал подниматься.

Стеклянные стены кабинки позволяли видеть, как меняется пространство за ними. Сначала — утилитарные коридоры и технические помещения двадцатого уровня. Голые бетонные стены, оплетённые кабелями, тусклые лампы, редкие фигуры техников в синих комбинезонах, копошащиеся у серверных стоек. «Нижники». Рабы системы, которые поддерживали её дыха-

ние и кровообращение. Глеб смотрел на них сверху вниз и чувствовал странную смесь превосходства и зависти. У них была простая, понятная работа. Если ломается сервер — его чинят. Если перегорает кабель — его меняют. У них были причины и следствия, чёткие и ясные, как чертёж.

Лифт поднимался выше. Архитектура начала меняться. Бетон уступил место гладким белым панелям, которые светились собственным мягким светом. Кабели исчезли, уступив место тонким золотистым линиям, оплетающим стены причудливыми узорами. Это был уровень аналитиков. Тех, кто сидел за голоэкранами и перерабатывал горы данных, превращая хаос в упорядоченные отчёты. Они носили белые халаты, пили чай из настоящих чашек и никогда не выходили в поле. Глеб мельком увидел их через стекло — безликие фигуры за пульсирующими голографическими картами, похожие на жрецов древнего храма, которые толкуют знаки судьбы, не выходя из своих келий.

Но даже этот уровень был лишь промежуточным. Лифт продолжал подниматься, и свет вокруг становился всё более идеальным, стерильным, пугающим. Стены начали отдавать мягким, тёплым перламутром, будто были сделаны из полированного мрамора. Воздух в кабинке стал плотнее, чище, с едва уловимой нотой дорогих духов. Это была золотая зона. Уровень кураторов. Место, где принимались решения, менявшие ход истории.

Глеб посмотрел на своё отражение в полированной стали дверей лифта. Серый комбинезон, высокий воротник, тёмные круги под глазами, которые не мог скрыть даже метаболический контроль. И на правом рукаве, чуть выше локтя, он заметил маленькое зелёное пятнышко. Пыльца. Меловая пыльца, которую пропустила автоматическая чистка. Она прилипла к ткани где-то в те самые секунды, когда он стоял на корточках и смотрел на фальшивую бабочку.

Глеб инстинктивно провёл пальцами по пятну, пытаясь стереть его. Пыльца размазалась, но не исчезла. Она въелась в структуру метаматериала, стала почти незаметной, но Глеб знал, что она там. Грязное пятно на идеальной униформе. Неуважение к протоколу. Маленькая человеческая слабость, которую увидят и оценят по достоинству.

Он сжал челюсти. В груди заклокотала злость. На себя. На эту систему, которая требовала от него быть чистым листом, не имеющим ни истории, ни прошлого, ни даже пыли на рукаве. Он не стёр пятно. Он оставил его как знак. Маленький акт неповиновения перед лицом всевидящего ока.

Лифт остановился. Двери бесшумно разъехались, открывая коридор, который походил на нефритовую вену — изогнутый, гладкий, освещённый мягким голубоватым светом, льющим из-под пола. Пол был сделан из того же перламутрового материала, что и стены, и каждый шаг Глеба отдавался в нём едва слышным эхом. Никаких дверей, никаких указателей. Только одна дорога — вперёд, к огромной белой арке, за которой угадывалось просторное помещение.

Глеб шагнул в этот мир идеальной чистоты, и его ботинки оставили на полу едва заметный след. Пыльца с рукава, которую он не стёр, осыпалась на мрамор мелкими зелёными точками. Глеб смотрел на них и чувствовал, как внутри него разгорается странное, почти мальчишеское удовлетворение. Нарушение идеальной чистоты этого мира началось здесь, на уровне руководства. Он не знал, чем закончится этот разговор, но он уже оставил свой след.

Блок В: Кабинет Куратора (10:00 – 10:15)

Арка, украшенная едва заметным узором из переплетающихся золотых линий, пропустила Глеба в зал, который нельзя было назвать помещением в обычном смысле. Это было пространство, вывернутое наизнанку. Здесь не было стен, потолка или пола в привычном понимании. Вместо них — бесконечная, пульсирующая голограмма Земли, парящая в центре и заливающая всё вокруг мягким, сине-зелёным сиянием.

Глеб замер на пороге, пытаясь осознать масштаб открывшейся перед ним картины. Это была не просто карта планеты. Это была её темпоральная матрица — сеть миллионов светящихся нитей, переплетённых в сложнейший узор, который постоянно пульсировал, переливался, утолщался в одних местах и истончался в других. Каждая нить была временной линией, ведущей от прошлого к будущему, и вместе они образовывали нервную систему гигантского спящего зверя. Сама планета дышала, и её дыхание было временем.

Голограмма парила над центром зала, медленно вращаясь. Там, где проходили самые важные исторические события, нити светились ярче, переплетаясь в тугие узлы, похожие на звёздные скопления. Там, где время текло спокойно, нити были тонкими и почти прозрачными. Глеб видел, как одна из нитей, проходящая через двадцать первый век, внезапно задрожала, пошла рябью и почти погасла, но через секунду восстановилась, засветившись с новой силой. Это его работа. Где-то там, в меловом периоде, он только что предотвратил катастрофу, и теперь временная линия снова была целой.

В центре зала, прямо под пульсирующим шаром, стояло огромное кресло, похожее на трон. Оно было сделано из тёмного металла, испещрённого тонкими золотыми прожилками, и казалось, парило в воздухе, не касаясь пола. В кресле сидела фигура, повернутая к Глебу спиной. Человек в чёрном балахоне, скрывающем любые очертания тела. Голова была опущена, и Глеб не мог разглядеть лица — только смутный силуэт, сливающийся с темнотой кресла.

Вокруг трона висели голографические экраны, транслирующие бесконечные потоки данных — отчёты о миссиях, показатели здоровья агентов, сводки новостей, параметры временных линий, тысячи и тысячи цифр, которые мелькали так быстро, что человеческий глаз не мог бы их уловить. Но Куратор, казалось, читал их все одновременно, постигая суть происходящего на интуитивном уровне, недоступном простым смертным.

Глеб сделал шаг вперёд, и его ботинок мягко коснулся перламутрового пола. Звук получился приглушённым, почти невесомым, но в абсолютной тишине зала он прозвучал как удар колокола.

— Инспектор Глеб, — раздался голос. Он не принадлежал ни мужчине, ни женщине. Это был синтезированный баритон, идеально ровный, лишённый эмоций, возраста и тембра. Он тек из ниоткуда и заполнял всё пространство, проникая прямо в мозг, минуя уши. — Благодарю за пунктуальность. Снимите браслеты и оставьте их у входа.

Глеб моргнул. Браслеты? У него был только один — тот самый, который он сдал в терминал. Но Куратор сказал «браслеты». Глеб замаялся на мгновение, затем понял. Речь шла о невидимых, встроенных в его запястья и лодыжки биомониторах, которые непрерывно передавали данные о его состоянии. Он не знал, как их «снять», потому что они были частью его тела, вживлены под кожу на уровне костной ткани. Но он послушно поднял руки, показывая, что готов подчиниться.

Куратор не обернулся. Вместо этого одно из голографических окон перед ним увеличилось, и в нём появилась схема тела Глеба с сотнями светящихся точек, обозначающих датчики. Окно мигнуло, и точки погасли. Связь прервалась. Глеб почувствовал странную пустоту, будто у него отняли часть органов чувств. Он больше не ощущал собственного пульса, не слышал, как бьётся его сердце. Тишина внутри была оглушающей.

— Присаживайтесь, — сказал Куратор, не предлагая сесть в прямом смысле. Вместо этого из пола перед Глебом бесшумно выдвинулось кресло, такое же чёрное и холодное, как трон Куратора. Глеб сел, чувствуя, как металл впивается в ягодицы. Кресло не было удобным. Оно было функциональным, как всё в СХБ.

Куратор помолчал секунду, затем заговорил снова, и его голос стал чуть более человеческим — или Глебу это только показалось.

— Инспектор, ваш уровень кортизола повышен на двенадцать процентов. Вы сожгли кофе сегодня утром?

Глеб вздрогнул. Вопрос был настолько бытовым, настолько неожиданным в этом величественном, пугающем пространстве, что он на мгновение потерял дар речи. Он ожидал обвинений, угроз, приказаний. Но не вопроса о кофе.

— Никак нет, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Инструкция №4-Бис соблюдена. Кофе приготовлен в соответствии с техническим регламентом.

— Ложь, — отрезал Куратор, и в его голосе мелькнула сталь. — Я читаю телеметрию вашего кухонного комбайна. Вы заблокировали датчик молекулярной плотности, замкнув контакты реле питания. Четырнадцать секунд несанкционированного вмешательства. Ваш кофе сварен на воде девяноста четырёх градусов по Цельсию, что на один градус выше протокольного значения. Зачем вы лжёте мне по мелочам, если собираетесь умереть через час?

Тишина в зале стала абсолютной. Голограмма Земли продолжала пульсировать, но теперь её свет казался Глебу зловещим, как пульс умирающего зверя. Сердце пропустило удар. «Умереть через час» — слова повисли в воздухе, тяжёлые и неотвратимые, как могильная плита.

— Я не понимаю, — выдавил Глеб. — Какая миссия?

Куратор медленно повернулся в кресле. Глеб впервые увидел его лицо. Оно было... идеальным. Абсолютно симметричным, с гладкой, без единой морщины кожей, высокими скулами и прищуренными глазами, которые, казалось, видели насквозь. Это было лицо, лишённое возраста. Его могло быть двадцать лет или двести — Глеб не смог бы определить. На губах Куратора играла лёгкая, едва заметная усмешка.

— Я не люблю повторять дважды, инспектор, — сказал Куратор, и его голос теперь звучал мягче, почти задушевно, отчего становилось ещё страшнее. — Ваша миссия провалена. Не сегодняшняя. Выполнена она безупречно. Но три года назад. Миссия «Эдем». Вы помните её?

Глеб почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. «Эдем». Это имя было заклеено в его памяти калёным железом. Три года. Три долгих года он пытался забыть, вытеснить, залить

синтетическим кофе и тонной отчётов. И вот оно снова всплыло, как труп, который не хочет тонуть.

— Помню, — сказал Глеб, и голос его сел. — Но это был саботаж. Кира...

— Кира, — перебил Куратор, и в его голосе промелькнула нотка любопытства. — Да, ваша бывшая супруга. Генетик класса «Омега». Создательница проекта «Эдем». Она нарушила протокол, пожертвовала колонией ради научного результата. Вы нажали кнопку экстренной эвакуации, оставив её людей умирать. Вы поступили по регламенту. Вы — хороший солдат. Но хороший солдат не всегда побеждает.

Куратор поднялся с кресла. Его балахон колыхнулся, открывая на мгновение тонкую фигуру, облачённую в чёрное. Он сделал шаг к голограмме, и та сфокусировалась на одной из нитей — яркой, пульсирующей синим, которая вела из глубокой древности к современности. Глеб узнал эту нить. Это была линия человечества. Но сейчас она истончалась, покрывалась тёмными пятнами, как поражённая гангреной.

— Проблема, инспектор, в том, что вы не просто провалили миссию, — продолжил Куратор, касаясь пальцем пульсирующей нити. Голограмма вздрогнула. — Вы не спасли Эдем. Вы убили его. Вы — причина того, что человечество сейчас висит на волоске.

— Что? — Глеб вскочил с кресла. — Я следовал протоколу! Я эвакуировал выживших! Кира нарушила...

— Заткнитесь, — рявкнул Куратор, и голос его на секунду потерял синтезированную гладкость, став почти человеческим. — Вы никогда не задумывались, инспектор, почему ваш проект назывался «Эдем»? Почему мы вбухали в него триллионы кредитов? Почему именно эта колония была так важна? Вы думали, это просто очередной эксперимент по заселению отдалённого периода?

Куратор взмахнул рукой, и голограмма перед ним взорвалась тысячами мелких образов, которые сложились в панораму палеогенового периода. Зелёные холмы, прозрачные реки, биокупол, сияющий на солнце. И внутри — два силуэта. Два человека. Мужчина и женщина. Они стояли под деревом, обнявшись, и смотрели на восходящее солнце. Лиц Глеб не мог разглядеть, но чувствовал, что они были прекрасны. Идеальные, как первые люди. Как Адам и Ева.

— Вы знаете, что такое генетический якорь? — спросил Куратор, не глядя на Глеба. — Это не метафора, инспектор. Это буквально. ДНК этих двух людей содержит уникальные маркеры, которые служат маяком для стабилизации всей последующей человеческой ветви. Без них — без их конкретной, уникальной комбинации генов — человеческая ДНК распадается на хаотическое нагромождение. Через пять миллионов лет эволюция пойдёт по пути развития ночного зрения и эхолокации, как у землероек. Вы представляете, что это значит? Разум не возникнет. Человечество исчезнет, так и не взяв в руки палку.

Голограмма приблизилась. Глеб увидел, как два силуэта падают на траву. Их тела покрываются рваными ранами, похожими на следы гигантских когтей. Рядом с ними — странный предмет, блестящий, металлический, с остаточной радиацией будущего.

— Хищник, — прошептал Глеб. — Хронофага?

— Именно, — кивнул Куратор. — Биомеханическое существо из будущего. Отправленное конкурентами. Синдикатом Переписчиков. Они нашли Эдем и уничтожили генетический якорь. И теперь, — Куратор обернулся к Глебу, и его глаза вспыхнули холодным голубым светом, — мы должны его восстановить. Или человечество исчезнет в течение месяца.

Глеб стоял, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Три года он считал, что Кира была виновата. Что её саботаж, её безумная научная амбиция стоила жизни колонистам. И вот теперь он узнаёт, что на самом деле она пыталась спасти то, что было важнее любой колонии, любой жизни. А он, действуя по регламенту, нажал кнопку и бросил Эдем на произвол судьбы.

— Почему я? — спросил он, чувствуя, как голос ломается. — Почему сейчас?

— Потому что все наши оперативные группы заняты, — ответил Куратор, снова садясь в кресло. — Третья мировая в двадцать первом веке, спасение динозавров от метеорита, коррекция временной петли в восемнадцатом веке. Все агенты экстра-класса на задании. А у нас есть только один свободный специалист-генетик уровня «Омега», способный работать с первичным геномом. И этот специалист — Кира.

Глеб рассмеялся. Горько, истерично, срывающимся голосом.

— Кира? Вы хотите отправить меня к ней? После всего, что произошло?

— Выбора нет, инспектор, — отрезал Куратор. — Она находится в карцере орбитальной тюрьмы. За саботаж. Но её знания нужны нам. Условие амнистии — работа в паре с вами под протоколом абсолютной эмоциональной изоляции. Никаких контактов. Только профессиональное взаимодействие.

— Эмоциональная изоляция? — Глеб покачал головой. — Вы серьёзно? После трёх лет ненависти?

— Ненависть, инспектор, — медленно проговорил Куратор, — это тоже эмоция. И она опасна. Если вы не сможете контролировать себя, вы оба умрёте. И вместе с вами — всё человечество.

Блок Г: Анатомия катастрофы (10:15 – 10:30)

Глеб стоял посреди зала, глядя на пульсирующую голограмму, и чувствовал, как реальность крошится у его ног, как старая штукатурка. Три года. Три года он презирал Киру, ненавидел её за то, что она сделала, за что она заставила его сделать. Он перебирал в памяти каждую деталь их разрыва — и все эти детали теперь складывались в иную картину. Теперь он видел не саботаж, а отчаянную попытку исправить ошибку. Не предательство, а героизм. Её героизм и его трусость, прикрытую регламентом.

— Я не могу, — выдавил Глеб, чувствуя, как слова застревают в горле. — Не могу смотреть на неё. Она... Она ненавидит меня. Я бросил её людей. Я нажал ту кнопку. Я — предатель в её глазах.

— В её глазах, — повторил Куратор, и в его голосе мелькнула странная, почти человеческая теплота. — А что в ваших, инспектор? Вы ненавидите её за то, что она заставила вас сделать? Или за то, что вы не смогли её остановить?

Глеб замер. Этот вопрос пронзил его, как нож. За все три года он никогда не задавал его себе. Он обвинял Киру, проклинал её, мысленно убивал её тысячу раз, но ни разу не задумался о том, что на самом деле чувствовал в тот момент, когда его палец нажал на кнопку экстренной эвакуации. Был ли это профессиональный холод? Или страх? Или, может быть, он просто хотел наказать её за то, что она была смелее, умнее, отчаяннее его?

— Я не знаю, — прошептал он. — Я просто не знаю.

— Тогда узнаете, — сказал Куратор. — Вам придётся. Иначе мы все умрём.

Куратор щёлкнул пальцами, и голограмма перед ним развернулась, показывая детальную карту палеогенового периода. Глеб увидел биокупол, окружённый густыми джунглями. Увидел, как два силуэта падают на траву. Увидел, как рядом с ними материализуется тень — огромная, когтистая, смертоносная. Это была Хронофага.

— Сейчас в куполе дежурит стандартный патруль, — сказал Куратор. — Но они не справятся. Хронофага — существо нового типа. Биомеханический гибрид, созданный в лабораториях Синдиката. Он чувствует временные линии, как акула чувствует кровь. И он уже вернулся в Эдем.

— Что? — Глеб подошёл ближе к голограмме. — Вы хотите сказать, что хищник снова там?

— Он там, — кивнул Куратор. — Мы перехватили сигнал темпорального всплеска два часа назад. Хронофага вернулась в палеоген. Она ищет то, что осталось от генетического якоря. Мы должны остановить её, пока она не уничтожила остатки ДНК окончательно.

— Но зачем ей это делать? — спросил Глеб. — Если человечество исчезнет, Синдикат тоже исчезнет. Вместе с нами.

— Логика безумцев, — усмехнулся Куратор. — Синдикат считает, что они смогут переписать историю заново. Создать новый мир, в котором они будут богами. Для этого им нужно уничтожить старый якорь и установить свой. Они используют Хронофагу как инструмент. И теперь этот инструмент в Эдеме.

Голограмма приблизилась, и Глеб увидел внутри купола тела двух людей, лежащих на траве. Рваные раны, кровь, странный металлический предмет рядом. И в воздухе — смутный силуэт, похожий на гигантскую ящерицу с металлическими шипами на спине.

— Вы должны отправиться в Эдем, — сказал Куратор, глядя прямо в глаза Глебу. — Ваша задача — защитить остатки генетического материала и доставить их в безопасное место. Кира будет работать над восстановлением ДНК. У вас есть двадцать четыре часа. Если вы не успеете — человечество исчезнет.

Глеб смотрел на пульсирующую голограмму и чувствовал, как мир сужается до одной точки. Там, в палеогене, лежали тела, которые должны были стать прародителями человечества. И он должен был вернуть их к жизни. С помощью Киры. Своей бывшей жены. Женщины, которую он предал.

— Принято, — сказал он, и голос его был пустым, как звон надгробного колокола.

Куратор кивнул, и голограмма перед ним погасла. В зале воцарилась тишина, нарушаемая только тихим гулом вентиляции.

— У вас есть четыре минуты до синхронизации порталов, — сказал Куратор. — Время пошло.

Блок Д: Психологический надлом (10:45 – 11:00)

Глеб вышел из кабинета Куратора и замер в коридоре. Руки дрожали. Он сжал их в кулаки, пытаясь успокоиться, но дрожь не проходила. В голове пульсировало, как набат: «Кира. Эдем. Двадцать четыре часа». Он не мог думать ни о чём другом. Перед глазами стояло её лицо — такое, каким он запомнил его три года назад, в момент их последней встречи. Искривлённое ненавистью, залитое слезами, с криком: «Ты убил их, Глеб! Ты убил их всех своей кнопкой!».

Он знал, что она права. Он нажал ту кнопку. Он не стал ждать, не стал проверять, есть ли шанс их спасти. Он просто выполнил протокол. Хороший солдат. Преданный винтик системы, которая в итоге оказалась предателем.

Глеб прислонился спиной к холодной стене и закрыл глаза. Перед ним проплыли кадры из прошлого — их первая встреча в лаборатории, её смех, её гнев, её невероятная способность видеть в хаосе генов стройную картину будущего. Кира была гением. Гением, который сжёг свою жизнь ради науки. И Глеб был тем, кто потушил её огонь.

Он открыл глаза и посмотрел на свои руки. Пальцы всё ещё дрожали. Зелёная пыльца, которую он не стёр с рукава, осыпалась на белый мраморный пол и смешалась с той, что уже лежала там, оставленная другими агентами. Нарушение идеальной чистоты этого мира началось здесь, на уровне руководства.

Глеб медленно разжал кулак. Пыльца с его руки упала на пол — маленькое зелёное пятно среди белоснежной стерильности.

— Чёрт с вами, — прошептал он.

Он сделал шаг вперёд, направляясь к гравифильту. До синхронизации оставалось три минуты.

Блок Е: Финальное действие сцены (10:50 – 11:00)

Гравифильт бесшумно скользил вниз, к десантным отсекам. В кабинке горел тусклый красный свет, такой же, как в кабинете Куратора. Глеб стоял, прислонившись головой к стене, и пытался собрать разбегающиеся мысли в кулак. Но они не собирались. Они разлетались, как искры, оставляя в сознании только одну мысль — Киру.

Капсула для заброски уже была готова. Она стояла в центре десантного отсека — огромный серый кокон, мерцающий голубым светом. Рядом с ней сустились техники, проверяя системы, калибруя датчики. Глеб не смотрел на них. Он смотрел на голографический экран, на котором бежали последние инструкции: «Активирован протокол "Искушение". Напарник разблокирован. Время до синхронизации порталов: 4 минуты».

Напарник. Кира.

Глеб подошёл к капсуле и положил ладонь на холодный металл. Внутри было пусто. Кира находилась в орбитальной тюрьме, и её капсула должна была синхронизироваться с его через минуту. Они встретятся уже в палеогене, внутри биокупола, где лежали тела первых людей и бродила Хронофага.

Он не знал, что скажет ей. Не знал, сможет ли смотреть в её глаза. Но знал, что выбора у него нет. Четыре минуты. Двадцать четыре часа. И всё человечество, висящее на волоске.

Глеб шагнул в капсулу. Ложемент принял его тело, обхватывая холодными механическими руками. Зелёное свечение залило внутренности кокона.

Он закрыл глаза и прошептал:

— Прости, Кира.

Свет стал ярче. Капсула загудела.

И время пошло.

Время до синхронизации: 1 минута.

Точка назначения: Палеогеновый период. Биокупол «Эдем».

Глава 3. Проблема кадрового голода

«В Службе хронологической безопасности незаменимые сотрудники есть. Обычно они сидят в карцере».

Блок А: Архитектура изоляции (11:05 – 11:15)

Свет в кабинете Куратора погас не сразу. Он сочился из голограммы, когда та свернулась в точку и исчезла, оставляя после себя лишь фантомное свечение на сетчатке Глеба и сладковатый привкус озона во рту. Тишина, которая воцарилась следом, была не просто отсутствием звука — она была вакуумом, давящим на барабанные перепонки. Глеб моргнул, прогоняя рябь перед глазами, и сделал шаг к выходу из зала. Его ноги двигались автоматически, пока сознание переваривало информацию о палеогеновом «Эдеме», о Хронофаге и о том, что через двадцать четыре часа человечество либо выживет, либо превратится в расу ночных землероек. Но самым тяжёлым грузом, который он нёс с собой, было имя.

Кира.

Он вышел в перламутровый коридор, и двери за ним сомкнулись с тихим, почти ласковым шипением. Арка, украшенная золотым узором, на мгновение вспыхнула, блокируя доступ обратно в святая святых Куратора. Глеб остался один в этом мире идеальной чистоты, где даже эхо его шагов казалось лишним. Но он не собирался задерживаться здесь. Ему нужно было спуститься. Туда, где заканчивался блеск мрамора и начиналась пульсирующая чернота. В сектор «Омега». В тюрьму.

Коридор, ведущий к гравилифту, был пуст. Глеб шёл, не глядя по сторонам, чувствуя, как подошвы его ботинок оставляют на полированном полу невидимые следы — смесь меловой пылицы, пота и той первобытной грязи, которую не вытравили даже автоматические турели десантного отсека. Он знал, что система видит его, сканирует каждый миллиметр его тела, считывает частоту пульса и уровень кортизола. Он знал, что на верхних уровнях за ним наблюдают дежурные аналитики, которые, возможно, уже составляют психологический портрет инспектора, готовящегося к встрече со своей бывшей женой. Ему было всё равно.

Гравилифт ждал его у конца коридора. Двери разъехались беззвучно, и Глеб шагнул внутрь. Вместо привычной панели с кнопками уровней на стене висел только один голографический маркер — алая точка с надписью «Сектор Омега. Уровень доступа: 4-Альфа». Глеб приложил ладонь к сенсору, и машина просканировала его ДНК, отпечатки пальцев и нейроактивность. Процесс занял не больше секунды. Маркер моргнул, и лифт начал своё движение.

Он погружался вниз, как в могилу. Стекланные стены кабинки позволяли видеть, как уровни Службы сменяли друг друга, постепенно теряя свою идеальную чистоту. Сначала — золотая зона, с её перламутровым блеском и мягким светом, напоминавшим о богатстве и власти. Затем — уровень аналитиков, с их белыми халатами и голографическими картами, которые пульсировали синим, зелёным и красным, как больной нерв. Потом — технические уровни, где бетон снова вступал в свои права, уступая место серым панелям, оплетённым кабелями и трубопроводами. Здесь было шумно. Гул серверов, шипение гидравлики, редкие фигуры техников в синих комбинезонах, которые даже не поднимали голов, чтобы посмотреть на проносившийся мимо лифт. Они знали, что эта кабинка никогда не останавливается на их уровне.

Глеб опускался всё ниже, и свет за стенами начал тускнеть. Белые лампы сменились жёлтыми, затем оранжевыми, а когда лифт миновал отметку минус-двенадцатого уровня, свет стал почти красным — тусклым, пульсирующим, как свет в операционной при аварийном питании. Стены изменились. Бетон исчез, уступив место чёрному базальту — грубому, необработанному, с острыми гранями, которые, казалось, поглощали свет. Звуки стихли. Гул серверов затих, уступив место звенящей тишине, которая давила на уши сильнее любого шума.

Лифт остановился. Двери разъехались, и Глеб шагнул в мир абсолютной тишины и абсолютного мрака.

Коридор сектора «Омега» был вырублен в монолите чёрного базальта. Стены, пол, потолок — всё было сделано из одного и того же камня, который, казалось, родился в недрах давно остывшей планеты, не знавшей света и тепла. Воздух здесь был другим — плотным, холодным, с металлическим привкусом, который оседал на языке горькой налёткой. Вентиляция работала

на пределе своих возможностей, создавая едва ощутимый сквозняк, который гнал по коридору запах озона, машинного масла и... страха. Глеб чувствовал его кожей. Этот запах вьелся в камень, пропитал его за десятилетия работы тюрьмы, и теперь любое живое существо, попадая сюда, невольно начинало дышать чужим ужасом.

Вдоль стен через каждые пять метров висели турели — не те, изящные, паучьи, что сканировали его в десантном отсеке. Эти были другими. Массивные, чёрные, с широкими дулами, которые смотрели прямо на единственный путь, ведущий вглубь сектора. Они не шевелились, не следили за ним, но Глеб знал: стоит ему сделать неверный шаг, превысить скорость движения или просто показаться подозрительным, и эти дула превратят его в кровавый туман за долю секунды. Автономные дроны-надзиратели — машины без жалости, без усталости и без права на ошибку.

Глеб шёл по коридору, чувствуя, как базальт холодит ноги даже через подошвы ботинок. Его шаги отдавались в камне приглушённым эхом, которое тут же погибало, не находя себе отклика в этой мёртвой пустоте. Он миновал три поворота, каждый из которых был отмечен алыми цифрами — номерами уровней и секций. На четвёртом повороте его ждали.

Две фигуры возникли из тени у стены. Они были такими же чёрными, как сам базальт, и только красные оптические сенсоры на их шлемах выдавали присутствие машин. Дроны-надзиратели не шевелились, пока Глеб приближался. Они просто стояли, преграждая путь, и их сенсоры медленно сканировали его фигуру, считывая ДНК, уровень доступа и биометрические данные. Процесс занял несколько секунд, которые растянулись в вечность. Затем сенсоры моргнули зелёным, и дроны бесшумно разъехались в стороны, открывая проход к массивной стальной двери, которая, казалось, была единственным выходом из этого каменного мешка.

Над дверью горела табличка: «Зона сверхвысокого риска. Доступ только по протоколу 7-Омега. Контакт с заключёнными разрешён при наличии нейропротеза-проводника».

Глеб остановился перед дверью. На стене справа от неё висел небольшой экран, на котором пульсировала зелёная надпись: «Ожидание подтверждения». Он уже знал, что произойдёт дальше. В его ухе щёлкнул динамик, и голос, лишённый эмоций, но с лёгкой хрипотцой, произнёс:

— Инспектор Глеб? Начальник охраны тюрьмы, майор Корвин. Вы опоздали на тридцать секунд.

Глеб обернулся. Из бокового прохода, который он не заметил раньше, вышел человек. Он был квадратным. Не в переносном, а в самом прямом смысле этого слова. Широкие плечи, массивная шея, которая почти сливалась с головой, и руки толщиной с ноги Глеба. Майор Корвин был одет в чёрную форму без опознавательных знаков, и единственным пятном света на его фигуре была лысая, блестящая макушка, отражающая тусклый красный свет коридора. В руках он держал плоский металлический кейс.

— Опоздание? — переспросил Глеб, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я не знал, что наша встреча запланирована.

— Всё в этой зоне запланировано, — ответил Корвин, и в его голосе мелькнула едва заметная усмешка. — Даже ваша смерть, если вы ошибётесь. Но пока что вы живы, и у меня для вас подарок.

Он протянул Глебу кейс. Тот открылся с тихим шипением, и внутри, на мягкой чёрной подложке, лежал нейропротез-проводник — тонкий медный кабель длиной около двадцати сантиметров, с разъёмами на обоих концах. Один разъём был стандартным, универсальным, подходящим к любому импланту седьмого поколения. Второй был заглушен пластиковой крышкой, которая мигала красным.

— Протокол 7-Омега, — пояснил Корвин, когда Глеб взял кабель в руки. — Чтобы войти в зону сверхвысокого риска, вы должны отключить все свои импланты и довериться этому кабелю. Он будет транслировать ваши показатели напрямую в систему безопасности, минуя ваше сознание. Без него вы — слепой, глухой и немой для нас. С ним — вы наш гость. Выбирайте.

Глеб посмотрел на кабель. Металл был холодным и гладким, и на его поверхности едва заметно мерцали тонкие золотистые линии — микросхемы, которые должны были заменить его собственные нейрочипы на время пребывания в секторе. Он знал, что это значит. Отключение имплантов — это не просто отказ от связи с системой. Это временная потеря части самого себя. Без нейроинтерфейса он не сможет читать данные с внутреннего визора, не сможет вызывать экстренную помощь, не сможет даже нормально дышать, если случится сбой в метаболическом контроле. Он станет обычным человеком. Уязвимым. Одиноким.

— Вы уже прошли сканирование в десантном отсеке, — продолжал Корвин, наблюдая за его колебаниями. — Ваши биометрические данные у нас есть. Но для доступа к «Омеге» нужно больше. Нужно добровольное согласие. Так что решайте, инспектор. Время идёт.

Глеб стиснул зубы. Он думал о Кире, которая ждала его за этой дверью. О Хронофаге, которая уже рыскала по палеогену. О двадцати четырёх часах, которые таяли с каждой секундой. Он не мог позволить себе колебаться.

— Делайте, что нужно, — сказал он, поворачиваясь спиной к Корвину.

Начальник охраны подошёл к нему сзади. Глеб почувствовал, как его пальцы — грубые, с мозолями, как у рабочего — коснулись его затылка, отодвигая высокий воротник комбинезона. Затем Корвин нащупал порт импланта — небольшое углубление в основании черепа, скрытое под тонкой кожей. Глеб вздрогнул от прикосновения. Это было странное, почти интимное ощущение — чужой палец, касающийся того места, где кончалась его личность и начиналась машина.

— Расслабьтесь, — сказал Корвин. — Будет холодно.

Глеб почувствовал, как разъём кабеля вошёл в порт. Металл пронзил кожу, и по позвоночнику пробежала ледяная волна. На мгновение мир вокруг него потемнел, звуки исчезли, и Глеб почувствовал, что падает в бездну. Затем всё вернулось. Свет снова залил коридор, но теперь он был другим — более тусклым, более пустым. Глеб понял, что его нейроинтерфейс отключён. Он больше не чувствовал пульса, не видел данных на внутреннем визоре. Он был просто человеком в сером комбинезоне, стоящим в коридоре чёрного базальта.

— Теперь вы — наш гость, — повторил Корвин, обходя его и вставая перед дверью. Он приложил ладонь к сканеру, и стальная плита начала медленно подниматься вверх, открывая проход в зону сверхвысокого риска. — Следуйте за мной. И не отставайте. Если потеряетесь, дроны не станут спрашивать, кто вы.

Глеб шагнул вперёд, чувствуя, как кабель на затылке тянется за ним, как поводок, соединяющий его с системой безопасности. Он больше не был хроноинспектором. Он был заключённым, который пришёл навестить другого заключённого. И эта мысль вызывала у него странное, почти болезненное удовлетворение.

Они прошли через несколько дверей, каждая из которых открывалась после сканирования сетчатки и ДНК Корвина. Коридоры становились всё темнее, воздух — плотнее. Запах озона сменился запахом сырости, плесени и чего-то сладковатого, химического, что напомнило Глебу о лабораториях СХБ, где он когда-то работал. Он не мог отделаться от ощущения, что спускается в самое сердце механизма, где время и люди были лишь расходным материалом. И это сердце билось в такт его шагам, отдаваясь в базальтовых стенах глухим, ритмичным гулом.

Наконец они остановились перед последней дверью. Она была меньше остальных, без маркировки и табличек. Над ней горел одинокий красный светодиод.

— Здесь, — сказал Корвин, указывая на дверь. — Камера 77-Омега. Ваша Кира внутри. У вас пятнадцать минут. После этого система начнёт впрыскивать успокоительное в ваш кабель, и вы потеряете сознание. Так что не затягивайте.

Глеб кивнул. Он подошёл к двери, положил ладонь на холодный металл и на мгновение зажмурился. Пятнадцать минут. Столько времени он имел, чтобы встретиться с женщиной, которую предал три года назад. Он не знал, что скажет ей. Он не знал, сможет ли смотреть в её глаза. Но он знал, что выбора у него нет.

Он открыл дверь.

Блок Б: Карцер как оранжерея (11:15 – 11:30)

Первое, что ударило по нему, — это запах. Он ворвался в его ноздри, как живое существо, опрокидывая все его ожидания. Вместо запаха сырости, плесени и отчаяния, который обычно царит в тюремных камерах, здесь витал густой, влажный, почти душный аромат оранжереи. Это был запах земли — настоящей, чёрной, живой земли, смешанной с озоном, гниющими листьями и чем-то сладким, как перезревший фрукт. Глеб на мгновение замер на пороге, вдыхая этот запах, и почувствовал, как его лёгкие наполняются чем-то, что он давно забыл. Жизнью.

Камера 77-Омега была не бетонным мешком, не стальной клеткой и даже не светлой комнатой с белыми стенами. Она была парником. Огромным, стерильным, но живым. Вдоль стен, вместо привычных коек и столов, стояли гидропонные стеллажи, уходящие вверх на три человеческих роста. Они были заполнены растениями — причудливыми, невиданными, светящимися в тусклом красном свете камеры. Они переливались всеми оттенками синего, фиолетового, зелёного, создавая иллюзию подводного мира, залитого лунным светом.

Глеб медленно вошёл внутрь. Пол камеры был покрыт тонким слоем влажного грунта, который хрустел под его ботинками. Воздух был тяжёлым, почти осязаемым, и каждый вдох оставлял на языке сладковатый привкус. Он прошёл мимо стеллажей, рассматривая растения. Некоторые из них были ему знакомы — мутировавшие орхидеи, светящиеся мхи, лишайники с пульсирующими прожилками. Другие были абсолютно чужими — растения с листьями, которые сворачивались в трубочки при его приближении, цветы, которые испускали тонкие струйки пара, корни, которые тянулись к нему, как щупальца.

В центре камеры, на небольшом возвышении, сидела она.

Кира сидела спиной ко входу, скрестив ноги по-восточному, и была поглощена своим занятием. Она была одета в оранжевую робу заключённого — простую, безразмерную, с грубыми швами и застёжками из серого пластика. На большинстве людей эта роба выглядела бы как мешок, но на Кире она сидела почти как дизайнерское платье. Она каким-то образом умудрилась собрать её в складки, перевязать поясом из своего же рукава и создать иллюзию изящной, почти воздушной фигуры. Её волосы — длинные, тёмные, с рыжими прядями, которые Глеб помнил так хорошо — были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались отдельные локоны. На её руках, которые двигались с хирургической точностью, висели тяжёлые магнитные браслеты — чёрные, массивные, с пульсирующими красными огоньками. Они не позволяли ей использовать генетические сканеры и манипуляторы, но не мешали работать с простыми инструментами. И сейчас Кира препарировала светящийся синий корень, который держала в левой руке, скальпелем, привязанным к пальцу обычным куском тряпки.

Глеб остановился в трёх метрах от неё. Он смотрел на её спину, на её плечи, на то, как она наклоняла голову, рассматривая корень под тусклым светом камеры. И чувствовал, как внутри него поднимается волна эмоций — смесь ненависти, вины, сожаления и странной, почти забытой нежности. Он не знал, с чего начать. Он не знал, сможет ли говорить с ней.

— Проект «Эдем» закрыт, — сказал он, и его голос прозвучал в тишине камеры как удар камня о стекло. — Тела остывают.

Кира не обернулась. Она продолжала препарировать корень, делая тонкие, ювелирные разрезы, и только её пальцы на мгновение замерли. Затем она ответила, и её голос был ровным, почти безразличным:

— Я знаю. Я видела схлопывание таймлайна ещё до того, как мне сообщили. У Предтеч отвратительная система шифрования каналов, я взломала их наблюдательный пост из карцера неделю назад.

Глеб моргнул. Он ожидал истерики, обвинений, криков. Он ожидал, что она бросится на него с этим скальпелем, но вместо этого она спокойно рассказывала о том, что взломала военную сеть СХБ, сидя в тюрьме. Это было так по-кириному — всегда быть на шаг впереди, всегда иметь план, всегда смотреть на мир как на большую пробирку, которую можно вскрыть и изучить.

— Они предлагают амнистию, — сказал он, стараясь говорить так же ровно, как она. — Взамен ты идёшь со мной.

Кира наконец обернулась. Это был медленный, почти театральный поворот, словно она хотела, чтобы Глеб почувствовал всю тяжесть её взгляда. Её лицо почти не изменилось за три года. Те же высокие скулы, те же тёмные глаза с золотыми искрами, те же губы, которые когда-то шептали ему слова любви. Но что-то в ней было другим. Во взгляде появилась сталь, которой раньше не было. Она смотрела на него не как на бывшего мужа — она смотрела на него как на образец, как на объект исследования.

— Амнистия предполагает возвращение прав, — сказала она, поднимая скальпель и рассматривая его на свет. В тусклом красном свете камеры лезвие блеснуло, как драгоценность. — Мои права сейчас — это право дышать и право смотреть на этот восхитительный лишайник. Что конкретно вы предлагаете взамен моего комфорта?

Глеб почувствовал, как внутри него закипает гнев. «Вы». Она сказала «вы». Она говорила с ним как с незнакомцем, как с чиновником, как с врагом. И в этом «вы» было больше унижения, чем в любом оскорблении.

— Ты знаешь, о чём идёт речь, — сказал он, делая шаг вперёд. — Генетический якорь. Предтечи. Хронофага. Если мы не остановим её, человечество исчезнет. Ты хочешь, чтобы я стоял на коленях перед тобой?

— А ты хочешь, чтобы я стояла на коленях перед тобой? — парировала Кира, и в её голосе впервые мелькнула эмоция — насмешка, граничащая с презрением. — Ты пришёл сюда, Глеб, не как муж, не как друг. Ты пришёл как инструмент Куратора. Как пешка, которую двигают по доске. Так что не надо мне лгать. Скажи прямо: «Кира, ты нужна нам, чтобы спасти мир». И, возможно, я соглашусь.

Глеб сжал кулаки. Он хотел крикнуть ей в лицо, напомнить о том, что это она была виновата в том, что случилось в Эдеме, что это её амбиции, её безумные эксперименты привели к катастрофе, что он всего лишь выполнял протокол, что у него не было выбора. Но он промолчал. Он знал, что правда сложнее. Он знал, что в той истории не было правых и виноватых — были только жертвы, оставленные на алтаре времени.

— Кира, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал мягче. — Я не враг тебе. Мы оба хотим одного — спасти то, что осталось. Но без тебя я не справлюсь. Это не просьба, это факт.

Кира посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Затем она опустила скальпель, положила корень на стеллаж рядом с собой и медленно поднялась на ноги. Магнитные браслеты на её руках звякнули, когда она выпрямилась. Она была чуть выше, чем он помнил, или, может быть, это роба и босые ноги делали её фигуру более стройной и высокой.

— Хорошо, — сказала она просто. — Я согласна. Но на моих условиях.

Блок В: Торг и условия контракта (11:30 – 11:50)

Кира сделала шаг в сторону, обходя стеллаж с растением, которое она препарировала. Глеб следил за ней взглядом, чувствуя, как в воздухе между ними возникает невидимое напряжение, похожее на электрический разряд. Кира остановилась у одного из гидропонных стеллажей, провела пальцем по светящемуся синему листу, и растение вздрогнуло, сворачиваясь в трубочку.

— Прежде чем я соглашусь на твоё «спасение мира», — сказала она, не глядя на него, — я хочу знать, зачем это им. Зачем Куратору нужен этот генетический якорь? Зачем СХБ вкладывать триллионы кредитов в палеогеновый период, если они могут просто стереть его из истории и создать новый якорь из чего угодно — из обезьяны, из свиньи, из таракана?

Глеб замялся. Она задала вопрос, на который у него не было ответа. Он знал, что генетический якорь важен, что он уникален, что его нельзя заменить. Но он не знал почему.

— Это не моя компетенция, — ответил он уклончиво. — Я просто выполняю приказы.

— Просто выполняешь приказы, — повторила Кира, и в её голосе зазвенела насмешка. — Звучит знакомо. Прямо как в Эдеме. «Просто выполняю приказы». «Протокол велит». Ты когда-нибудь думал о том, что за этими приказами стоит чья-то воля? Чей-то интерес?

Она резко обернулась к нему, и её глаза сверкнули золотом в тусклом свете.

— Я взломала архивы СХБ, Глеб. Я знаю, что Проект «Эдем» был не просто экспериментом. Он был частью большой игры. Долгой. Многоходовой. Куратор не заботится о человечестве. Он заботится о своей власти. И этот якорь — всего лишь инструмент. Я не хочу участвовать в этой игре. Я хочу знать, что я делаю это ради науки, а не ради того, чтобы какой-то бессмертный козёл в балахоне мог и дальше править миром.

Глеб почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он никогда не думал о Кураторе как о человеке с амбициями. Для него Куратор был функцией, частью системы, почти божеством, которое не имело личных интересов. Но слова Кире заставили его задуматься. Что, если она права? Что, если за всем этим стояло нечто большее, чем просто спасение человечества?

— Я не знаю, — сказал он честно. — Но если ты не пойдёшь, мы не узнаем ничего. Мы просто умрём. Все мы. Ты, я, эти твои растения. Всё исчезнет. Если тебе нужен ответ на свой вопрос, давай сначала выживем. А потом разберёмся.

Кира смотрела на него долго, изучая его лицо, его глаза, его дрожащие пальцы. Затем она кивнула, словно приняв какое-то решение.

— Хорошо, — сказала она. — Я иду. Но я не надену ваш дурацкий серый комбинезон. Я не хочу быть вашим солдатом. Я пойду в своей робе, со своими растениями. И вы обеспечите мне доступ к генетическому сканеру на месте. Без него я бесполезна.

— Это невозможно, — начал Глеб, но Кира перебила его, подняв руку с браслетом.

— Вот это, — сказала она, показывая на чёрный магнитный обруч на своём запястье, — моя свобода. Или ты снимешь его, или я остаюсь здесь. Выбор за тобой.

Глеб снова замялся. Он знал, что без неё миссия провалится. Он знал, что Куратор не позволит ему вернуться с пустыми руками. Но он также знал, что нарушение протокола — снятие браслетов заключённой — может стоить ему не только должности, но и жизни.

В этот момент в его ухе щёлкнул динамик, и голос Корвина, лишённый эмоций, но с оттенком тревоги, произнёс:

— Инспектор Глеб, у вас проблемы. Куратор на связи. Он хочет обсудить условия Киры.

Глеб замер. Он посмотрел на Киру, которая стояла перед ним, скрестив руки на груди, и ждала его решения. Затем он приложил палец к виску, активируя аудиоканал, который работал даже через нейропротез-проводник.

— Слушаю, — сказал он.

Голос Куратора, синтезированный и холодный, зазвучал в его голове:

— Инспектор, Кира займётся генетическим восстановлением. Никаких условий. Она наденет форму СХБ, подчинится протоколу и выполнит свою работу. Если она откажется, вернитесь в ангар. Миссия будет отменена, а её приведут на казнь. Время идёт.

Глеб почувствовал, как его сердце пропустило удар. Казнь. Смертный приговор. Он знал, что Кира была осуждена за саботаж, но не думал, что дело зашло так далеко.

— Она не согласится, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ей нужна свобода. Иначе она бесполезна.

— Свобода, — повторил Куратор, и в его голосе мелькнула холодная усмешка. — Хорошо. Скажи ей, что я согласен на её условия. Но если она провалит миссию, её казнят на месте. У неё есть двадцать четыре часа. По окончании операции она будет помилована и получит право на проведение независимого исследования в любой точке временного континуума. Это моё последнее слово.

Связь прервалась. Глеб опустил руку и посмотрел на Киру. Она стояла, ожидая его вердикта, и её глаза светились холодным, спокойным вызовом.

— Он согласился, — сказал Глеб, чувствуя, как слова застревают в горле. — Ты получишь свободу после миссии. Но если мы провалимся, тебя казнят.

Кира усмехнулась. Это была короткая, почти беззвучная усмешка, которая никак не отразилась на её лице, но заставила Глеба вздрогнуть.

— Я знаю, — сказала она. — Я всегда знала, что это сделка с дьяволом. Но, Глеб, ты, кажется, забыл, что дьявол — это я. И я никогда не проигрываю.

Она подошла к нему вплотную, почти касаясь грудью его груди, и посмотрела прямо в глаза. Её дыхание было влажным и тёплым, и она пахла озоном, землёй и чем-то сладким, как гниющие фрукты.

— Сними браслеты, — сказала она. — Мы теряем время.

Глеб медленно протянул руку к её запястью. Магнитный браслет был холодным и тяжёлым, и когда его пальцы коснулись замка, браслет загудел, разблокируясь. Глеб нажал на

зашёлку, и браслет с глухим стуком упал на влажный грунт. Кира свободно выдохнула, растирая запястье, на котором осталась глубокая багровая борозда.

— И второй, — сказала она, протягивая другую руку.

Глеб повторил процедуру. Второй браслет упал рядом с первым. Кира стояла перед ним, и теперь на её руках не было кандалов. Только шрамы.

Она наклонилась, подняла с земли один из браслетов, взвесила его на ладони, а затем с силой швырнула в стену. Металл ударился о базальт с глухим звоном, оставляя на камне трещину.

— Это для начала, — сказала она, и в её голосе впервые за долгое время послышалась искренняя, почти детская радость. — Теперь перейдём к делу.

Она подошла к стеллажу, где лежал светящийся синий корень, и быстрым, отработанным движением срезала один-единственный лист с самого красивого растения — того, что пульсировало тёплым фиолетовым светом. Затем она аккуратно завернула лист в фольгу от пайка, которая лежала рядом, и, не раздумывая, сунула его в рот под язык.

Глеб смотрел на неё с удивлением. Она поймала его взгляд и улыбнулась — коротко, натянуто, как человек, который делает что-то очень личное, но не хочет объяснять.

— Яд, — пояснила она. — Маленький, на всякий случай. Никогда не знаешь, когда он может пригодиться. Пойдём, Глеб. Нас ждут.

Блок Г: Подписание протокола эмоциональной изоляции (11:50 – 12:05)

Зал формализации контрактов находился на том же уровне, что и тюремный блок, но в отличие от камеры Киры, здесь не было ни влажного грунта, ни светящихся растений, ни запаха жизни. Здесь царила абсолютная стерильность, и пахло здесь не землёй, а металлом, пластиком и дезинфектантом. Глеб вошёл в зал, чувствуя, как его ботинки скользят по гладкому, полированному полу, отражающему тусклый свет ламп. Стены здесь были белыми, но не мягким перламутром верхних уровней, а холодным, почти болезненным белым, как в операционной. В центре зала стоял стол из цельного куска обсидиана — чёрного, блестящего, как бездонное озеро. Вокруг стола — два кресла, тоже чёрных, с высокими спинками и подлокотниками, которые выглядели скорее как трон для допросов, чем как мебель для переговоров.

Между креслами, на полу, возвышался стазис-полевой генератор. Это был массивный куб размером с тумбу, сделанный из того же чёрного металла, что и браслеты Киры. Генератор тихо гудел, создавая вокруг себя слабое мерцание — невидимую стену, которая разделяла пространство на две половины. Глеб знал, что это поле не просто физическая баррикада. Оно блокировало эмоциональную связь, подавляло нейроактивность, связанную с воспоминаниями, и создавало в сознании каждого из участников чувство дистанции, которую невозможно преодолеть.

Кира вошла в зал следом за Глебом. Она была босая, в своей оранжевой робе, с листом под языком и растрёпанными волосами, но держалась так, словно это она здесь была хозяйкой. Она оглядела зал, заметила стазис-генератор, и на её губах заиграла лёгкая усмешка.

— Эмоциональная изоляция? — спросила она, останавливаясь у кресла. — Они серьёзно думают, что это поможет?

— Это протокол, — ответил Глеб, садясь в своё кресло. — Мы не можем рисковать.

— Рисковать чем? — переспросила Кира, садясь напротив. — Тем, что я закричу: «Ты убил их, Глеб! Ты убил моих людей!»? Или тем, что ты бросишься на меня с кулаками?

Глеб промолчал. Он знал, что она права. Эмоциональная изоляция была не для защиты от конфликтов — она была для того, чтобы скрыть слабости. Система боялась, что они снова станут людьми. Она боялась, что воспоминания о прошлом сделают их уязвимыми и помешают выполнить миссию.

В этот момент в зал вошёл юрист-адвокат. Это был ИИ — голографическая фигура, одетая в чёрную мантию, с лицом, которое было одновременно мужским и женским, старым и молодым. Он остановился у стола, развернул голографический свиток, и его голос, монотонный и безэмоциональный, начал зачитывать пункты договора.

«Протокол эмоциональной изоляции. Пункт первый: Запрет на зрительный контакт дольше трёх секунд. Нарушение фиксируется автоматически и карается электрическим разрядом в нейроинтерфейс.

Пункт второй: Запрет на использование личных местоимений ("мы", "наш", "мой", "твой") в отношении друг друга. Разрешены только официальные обращения — "инспектор", "генетик", по фамилии.

Пункт третий: Обязательная дистанция между телами вне капсулы сна — не менее полутора метров. Нарушение фиксируется датчиками и карается предупреждением. Третье нарушение — автоматический вызов дронов-надзирателей.

Пункт четвёртый: Любое обсуждение совместного прошлого приравнивается к должностному преступлению. При попытке заговорить о личном нейрочипы вызовут приступ острой мигрени. При повторной попытке — рвоту.

Пункт пятый: В случае нарушения протокола в критической точке миссии командир группы (инспектор Глеб) имеет право на применение аварийного успокоительного. Субъект (генетик Кира) обязуется подчиниться».

Глеб слушал, и каждое слово отдавалось в его голове глухим стуком. Он чувствовал, как внутри него поднимается волна протеста — он не хотел этого договора, не хотел быть просто «инспектором» для Киры, не хотел бояться смотреть ей в глаза больше трёх секунд. Но он знал, что выбора нет. Миссия важнее.

Кира, напротив, слушала пункты с почти скучающим видом. Она сидела, откинувшись на спинку кресла, и смотрела в потолок, словно считывая там невидимый код.

— Всё это прекрасно, — сказала она, когда ИИ закончил читать. — Но я хочу добавить один пункт. Мой.

— Это невозможно, — ответил ИИ. — Протокол стандартизирован.

— Тогда я отказываюсь, — сказала Кира, вставая. — Без этого пункта я не подпишу.

Глеб почувствовал, как внутри него закипает гнев. Она опять играет в свои игры, опять ставит условия, опять тянет время.

— Что за пункт? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Кира посмотрела на него, и в её глазах мелькнул холодный вызов.

— Я хочу, чтобы в контракте было написано, — сказала она медленно, — что по окончании миссии ты сядешь со мной и расскажешь мне, что на самом деле произошло в Эдеме. Без протоколов, без регламентов, без «я просто выполнял приказы». Я хочу знать правду. Или я не сдвинусь с места.

Глеб замер. В зале воцарилась тишина, нарушаемая только тихим гулом стазис-генератора. Он смотрел на Киру, и чувствовал, как внутри него борются противоречия — гнев, страх, вина и что-то ещё, что он не мог назвать. Он не хотел говорить об Эдеме. Он хотел похоронить этот день навсегда, забыть его, как страшный сон. Но она требовала правды.

— Хорошо, — сказал он, неожиданно для самого себя. — Я расскажу.

Кира смотрела на него долгую секунду. Затем она кивнула, опустилась обратно в кресло и протянула руку к сканеру.

— Подписываю, — сказала она.

Глеб тоже протянул руку к сканеру. В момент, когда их ладони коснулись стекла, они оказались в сантиметре друг от друга, разделённые полем стазис-генератора. Он чувствовал тепло её руки сквозь стекло, и в то же время между ними возникла ледяная стена — барьер, который нельзя было пересечь ни физически, ни эмоционально. Контракт был подписан.

Блок Д: Процедурный финал и мостик (12:05 – 12:15)

Первое, что почувствовал Глеб, когда поднял руку от сканера, — это пустота. Он больше не чувствовал Киру. Она сидела напротив, в двух метрах от него, но казалась далёкой, почти нереальной, как персонаж старого голофильма. Он не мог прочесть её эмоции, не мог догадаться о её мыслях. Она была закрыта для него.

Кира тоже чувствовала эту пустоту. Она опустила руку, посмотрела на свои запястья, где уже почти зажили багровые борозды от браслетов, и усмехнулась.

— Ну что, инспектор, — сказала она, и её голос прозвучал странно ровно, почти механически. — Пора спасать мир?

Глеб кивнул, не глядя на неё.

— Следую к ангару номер четыре, — сказал он, обращаясь к системе, а не к ней. — Инспектор Глеб на связи. Генетик Кира введена в штат операции «Искушение». Выходим через пять минут.

Красный свет тревоги в коридорах сменился на рабочий жёлтый. Двери зала формализации контрактов разъехались в стороны, и Глеб вышел в коридор, чувствуя, как Кира идёт за ним в двух шагах. Дистанция соблюдена идеально. Полтора метра — ровно столько, сколько требовал протокол.

Они прошли мимо дронов-надзирателей, миновали пост охраны, где Корвин мельком взглянул на них, но ничего не сказал. Он просто кивнул, давая разрешение на выход. Коридор, ведущий к ангару, был длинным, освещённым ровным белым светом, и он тянулся, казалось, бесконечно.

Кира шла молча. Её босые ноги ступали по холодному металлическому полу, и каждый её шаг отдавался в тишине приглушённым шлепком. Глеб не смотрел на неё, но чувствовал её присутствие — как тень, которая всегда следует за ним, даже когда он пытается от неё уйти.

Они остановились у автомата с едой — старого, потёртого аппарата, который стоял у стены возле развилки. Кира подошла к нему, провела пальцем по сенсорной панели, выбирая продукты. Автомат пискнул, и из лотка вывалилась пачка синтетических чипсов — яркая, оранжевая, с надписью «Краб-Огонь» и изображением стилизованного ракообразного.

Глеб нахмурился. Чипсы были запрещены для персонала СХБ — они содержали синтетические ароматизаторы, которые могли вызвать аллергию и повлиять на работу имплантов. Но Кира, не глядя на него, с хрустом открыла пачку, достала одну чипсину, положила в рот и с громким, вызывающим хрустом начала её жевать.

— Что ты делаешь? — спросил Глеб, чувствуя, как протокол требует сделать замечание. — Это запрещено.

— Я подписала контракт на эмоциональную изоляцию, — ответила Кира, прожевав чипсину. — Я не подписывала контракт на диету. К тому же, — она протянула пачку к нему, — хочешь?

— Нет, — отрезал Глеб.

— Ну и ладно, — сказала Кира, пожимая плечами. — Больше мне.

Она пошла дальше, громко жуя чипсы, и каждый её хруст разносился по тихому коридору, нарушая стерильную тишину базы. Глеб шёл рядом, считая секунды до момента, когда протокол заставит его сделать ей замечание. Но замечание не приходило. Система молчала. Возможно, чипсы не считались нарушением. Или, возможно, система решила закрыть глаза на маленькую человеческую слабость.

Ангар номер четыре встретил их запахом озона и раскалённого металла. Капсула для заброски уже была готова — массивный серый кокон, мерцающий голубым светом, с открытым ложементом, ожидающим пассажиров. Рядом с капсулой стояли техники в синих комбинезонах, проверяющие системы. Глеб подошёл к капсуле, положил ладонь на холодный металл, и

на мгновение закрыл глаза. Он знал, что через несколько секунд он окажется в палеогеновом периоде, внутри биокупола «Эдем», где лежали тела первых людей и бродила Хронофага. И где рядом с ним будет Кира — женщина, которую он когда-то любил, которую он предал, и которую теперь должен был защищать.

Кира подошла к капсуле с другой стороны. Она стояла, обнимая себя за плечи, и её лицо было бледным, почти серым. Глеб заметил, что её руки дрожат.

— Токсины карцера, — хрипло произнесла она, внезапно бледнея. — Или твой парфюм, Глеб. Начинается ровно через пять... четыре... три...

Глеб не успел среагировать. Кира схватилась за стену ангара, и её тело сотрясла судорога. Она сплюнула на пол зелёную желчь, и её зрачки расширились, заполняя всю радужку чёрным озером.

— Кира! — крикнул Глеб, бросаясь к ней.

Но он остановился в полутора метрах. Протокол. Эмоциональная изоляция. Он не мог подойти ближе. Он смотрел, как она медленно оседает на пол, как её руки хватаются за воздух, как её дыхание становится прерывистым и хриплым. И в этот момент он понял, что его враг — не Хронофага, не Синдикат и не время. Его враг — это он сам. Его страх. Его вина. Его неспособность нарушить проклятый протокол.

— Помогите! — закричал он, обращаясь к техникам. — Она умирает!

Техники бросились к Кире. Один из них наклонился над ней, проверяя пульс, другой впрыснул ей в шею какой-то препарат. Кира закашлялась, её тело выгнулось дугой, и затем она затихла, закрыв глаза.

— Анафилактический шок, — сказал техник, поднимая голову. — Мы стабилизировали её состояние. Но она не сможет пройти через портал в таком состоянии. Нужно время. Шесть часов минимум.

Глеб смотрел на неподвижное тело Кире, лежащее на холодном полу ангара, и чувствовал, как время утекает сквозь пальцы. Шесть часов. У них было двадцать четыре. Теперь осталось восемнадцать. А Хронофага уже рыскала по палеогену.

— Мы теряем время, — прошептал он, и в его голосе звучала не просто тревога, а настоящий, первобытный страх. — Мы теряем всё.

Глава 4. Контракт на пустоте

«Ненависть — это просто любовь, которой не дали шанса нарушать протокол».

Блок А: Пространственная метафора отчуждения (12:15 – 12:20)

Лифт, доставивший их на уровень ангаров, открылся с тихим, почти благоговейным шипением. Глеб шагнул в гигантское пространство и почувствовал, как каждый звук, исходящий от его тела, тут же пожирается чудовищным эхом. Пол под ногами был из гофрирован-

ного металла, тускло-серого, исчерченного бесчисленными следами от гусениц погрузчиков и копоты реактивных струй. Свод ангара терялся где-то на высоте пятидесяти метров, скрываясь в полумраке, который разгоняли лишь редкие прожекторы, закреплённые на несущих балках. В нос ударил запах озона, раскалённого металла и гидравлики — запах, который всегда сопутствовал большим прыжкам.

Глеб посмотрел в центр ангара и на мгновение задержал дыхание. Капсула заброски «Ковчег-М» стояла на бетонной подушке, возвышаясь над ровным полом, как чёрная игла, воткнутая в тело планеты. Её корпус, длиной около двадцати метров, был выполнен из идеально гладкого, поглощающего свет материала, из-за чего создавалось впечатление, что она не столько стоит на полу, сколько прорвала собой ткань реальности. Лишь редкие синие огни по контуру люков и сопел выдавали её присутствие. Она была произведением искусства — и орудием убийства времени одновременно.

Спустя долгую секунду Глеб перевёл взгляд в противоположный конец ангара. Там, из точно такого же лифта, вышла Кира. Она сделала шаг вперёд, и эхо её шага — шлёп босой ноги о холодный металл — разнеслось по залу, встречаясь с эхом шага Глеба. Между ними было больше ста метров гулкой, идеально выверенной пустоты. Этого пространства хватило бы, чтобы разместить десяток малых челноков, и сейчас оно казалось бесконечным.

Глеб посмотрел на неё: босая, в оранжевой робе заключённой, с лёгкой, почти нахальной враскачку, словно она не шла, а плыла над поверхностью пола. Её руки были скрещены на груди, а губы чуть приоткрыты — она что-то тихо напевала. Глеб не слышал мелодии, но узнал её по движению губ. Это был старый блюз, который она любила слушать в их общей квартире, когда работала допоздна и растила свои безумные орхидеи в инкубаторах.

Глеб отвернулся, сделал глубокий вдох и начал движение навстречу ей. Его шаги были строевыми, ровными, руки — зафиксированными вдоль тела. Мышечная память инспектора СХБ никогда не подводила. Каждый шаг отдавался в голове как стук метронома: «Тик. Так. Тик. Так». Он считал шаги, чтобы не думать о ней.

Ста метров хватило, чтобы перебрать в голове всё, что он собирался сказать. «Три года, два месяца и четырнадцать дней» — именно столько прошло с момента их последней встречи. Он хотел произнести эту фразу как обвинение, как доказательство её вины перед ним. Но когда он приблизился к ней на расстояние, достаточное, чтобы разглядеть её глаза, в которых, как всегда, сверкали золотые искры, он понял, что не сможет.

Кира остановилась ровно под соплами главного двигателя капсулы. Жар работающих систем охлаждения искажал воздух между ними, создавая эффект мутного стекла. На мгновение Глеб увидел её размытой, текучей, как воспоминание. Затем воздух выровнялся, и она стала чёткой.

— Три года, два месяца и четырнадцать дней, — произнёс он, не повышая голоса. Он сам не понял, зачем сказал это вслух. Слова вырвались раньше, чем он успел их остановить.

Кира наклонила голову, изучая его лицо.

— Я считала часы, — ответила она, и её голос был ровным, безэмоциональным, как у ИИ-адвоката. — Ты постригся.

Глеб машинально провёл рукой по короткому ежику на затылке. Пальцы коснулись свежих срезов — утренний техник по гигиене сделал всё строго по регламенту.

— Регламент запрещает длину более трёх сантиметров, — сказал он, чувствуя, как его голос превращается в сухой отчёт. — Экономит ресурсы на дезинфекции шлема.

Кира усмехнулась — коротко, едко, без тени искренности.

— Ты всегда умел превратить труп расчленённого хомячка в статью расхода бюджета, — сказала она, и в её голосе мелькнула насмешка. — Как поживает твоя коллекция галстуков?

Глеб нахмурился. Коллекция галстуков — старая шутка, которая существовала между ними в их браке. Он никогда не носил галстуков. Она купила ему один в первую их годовщину, с дурацким рисунком из ДНК-спиралей. Он так ни разу его и не надел, но хранил до самого последнего дня. В день развода он сжёг его в утилизаторе, глядя на пламя через крошечное окошко. Это было его личное, интимное преступление против памяти.

— У меня нет коллекции, — сухо ответил он. — У меня один дежурный образец.

Кира нахмурилась, на мгновение потеряв самообладание. Она поняла, что он помнит о том, как сжёг галстук, и теперь это был щелчок по её носу. Она перевела взгляд на свои руки и заметила, что на рукаве её робы, чуть выше локтя, красуется небольшое влажное пятно. Оно было зелёным, ярко-изумрудным, словно кто-то плеснул на ткань соком светящегося растения.

Глеб указал на пятно пальцем.

— Твой лишайник всё ещё пытается переварить магнитные браслеты?

Кира посмотрела на пятно, и на мгновение её лицо исказила гримаса. Затем она расправила плечи, отряхнула рукав и посмотрела на Глеба с холодным спокойствием.

— Он пытается переварить меня, — сказала она. — Но я сильнее.

В этот момент в их головах сработали нейростимуляторы. Оба инстинктивно дёрнулись. Глеб почувствовал, как в височную долю впрыснулась острая, ледяная микродоза боли. Она пронзила череп, как игла, и тут же исчезла, оставляя после себя онемение.

Протокол работал. Говорить о прошлом — о хомячке, о галстуках, о том, что они когда-то делили одну квартиру на двоих — было физически больно. Нейроинтерфейсы блокировали воспоминания, превращая их в электрические разряды, которые выжигали нервные окончания.

Глеб выдохнул. Кира прикусила губу, пытаясь скрыть дрожь.

— Мы должны подписать контракт, — сказал он, не глядя на неё. — Иначе прыжок невозможен. Ты знаешь.

— Я знаю, — отрезала она. — Веди.

Она подошла ближе, но остановилась ровно на расстоянии полутора метров — минимально допустимой дистанции, предписанной протоколом. Глеб почувствовал, как холод от её тела странным образом касается его кожи. Она пахла озоном, землёй и чем-то сладковато-гнилым. Её дыхание было влажным и тёплым, и Глеб заставил себя отвести взгляд, чтобы не смотреть на то, как шевелится её кадык, когда она глотает слюну.

Блок Б: Ритуал встречи без контакта (12:20 – 12:35)

Они прошли к центру ангара, где возвышались две калибровочные плиты — идеально прямоугольные пластины из чёрного матового металла, встроенные в пол. Плиты были разделены ровно на 198 сантиметров. Минимально допустимая дистанция безопасности, предписанная для синхронизации нейроимплантов при совместных прыжках. Это расстояние было рассчитано так, чтобы исключить любую возможность случайного прикосновения.

Кира встала на левую плиту. Глеб — на правую. Они оказались друг напротив друга, разделённые пустотой в два человеческих роста. Глеб смотрел на неё сквозь искажённый жаром воздух и чувствовал, как его нейроинтерфейс начинает сканировать её импланты, ища точки для синхронизации. Процесс был автоматическим, но от этого не становился менее интимным.

Кира опустила глаза, рассматривая свои босые ступни, касающиеся холодного металла. Она слегка покачивалась с пятки на носок, словно пыталась унять дрожь.

— Ты заметил, — начала она тихо, почти шёпотом, — что мы стоим на плитах как два дуэлянта на рассвете? Только вместо пистолетов у нас контракты и обязательства.

Глеб промолчал. Он смотрел на её волосы — тёмные, с рыжими прядями, которые когда-то так нравились ему. Он помнил, как касался их, как чувствовал их запах, когда они были женаты. Теперь он не мог позволить себе вспомнить это. Нейростимулятор в его голове уже готовился к новому уколу.

Но Кира, как будто почувствовав его мысли, улыбнулась.

— Расслабься, — сказала она. — Я не собираюсь провоцировать твои чипы. Я просто хочу сказать, что мне жаль.

Глеб поднял на неё глаза.

— Тебе жаль?

— Жаль, что я не убила тебя тогда, — спокойно произнесла она, и в её голосе не было злобы. Только констатация факта. — В день Эдема. Если бы я знала, что ты нажмёшь на ту кнопку, я бы вколола тебе нейротоксин до того, как мы вошли в капсулу. Это была бы милосердная смерть. Быстрая и безболезненная. Мне было бы меньше стыдно, чем сейчас.

Глеб вздрогнул. Нейростимулятор снова впрыснул боль, но он почти не заметил её. Слова Киры ударили сильнее любого электрического разряда.

— Ты бы хотела, чтобы я умер? — спросил он, и его голос предательски дрогнул.

Кира посмотрела ему прямо в глаза. На мгновение её взгляд смягчился, словно она увидела в нём что-то знакомое, почти родное.

— Я хотела бы, чтобы ты жил, Глеб, — сказала она. — Но жил с чувством вины. Каждый день. Каждую минуту. Я хотела, чтобы ты оступился, упал, разбился и поднялся, понимая, что ты — ничто. Что ты — просто винтик, который можно заменить. И если я не убила тебя, то только потому, что жить с этим знанием — гораздо худшее наказание.

Она замолчала, и Глеб почувствовал, как пол под его ногами стал зыбким. Он смотрел на неё, и в его груди боролись противоречия — ненависть, гнев, вина и что-то, чего он не мог назвать. Он хотел сказать ей, что она была права. Что он действительно был винтиком. Что он предал её. Что он предал их любовь, потому что боялся нарушить проклятый протокол.

Но вместо этого он сказал:

— Контракт. Дроид уже здесь.

Из боковой двери, на которую указал Глеб, выкатился дроид-юрист. Его корпус, похожий на цилиндр, покрытый сетчатым металлом, был испещрён глубокими царапинами — следами когтей, которые, видимо, оставили особо буйные хрононарушители. Дроид модели «Цербер-7» остановился между ними, развернул голографический экран и замер в ожидании.

Кира оглядела его с презрением.

— Они прислали клоуна, — усмехнулась она. — Только для меня. Наверное, боялись, что я задушу тебя голыми руками.

Глеб не ответил. Он шагнул вперёд, встал перед дроидом и приложил ладонь к сканеру. Дроид зажужжал, сканируя его ДНК, отпечатки пальцев и нейроактивность. Процесс занял не больше трёх секунд.

— Инспектор Глеб, — произнёс дроид своим монотонным, синтезированным голосом. — Личность подтверждена. Перехожу к верификации генетика Киры.

Кира не сдвинулась с места.

— Мне не нужен сканер, — сказала она, разглядывая свои руки. — Я уже дала свою ДНК вашим лаборантам двадцать раз. Если ваша система ещё не скопировала мой геном, значит, она просто некомпетентна.

Дроид замигал красным.

— Верификация обязательна для подписания контракта, — повторил он. — Подойдите к сканеру.

Кира вздохнула, сделала шаг вперёд и протянула руку, но не к сканеру, а к запястью Глеба. Её пальцы, холодные и сухие, сжались вокруг его руки, разворачивая ладонь тыльной стороной вверх. Глеб вздрогнул от неожиданности — её прикосновение было одновременно

жёстким и почти нежным. Она поднесла его руку к сканеру дроида, прижимая его тыльную сторону к считывающей панели.

— ДНК инспектора уже здесь, — сказала она, не глядя на Глеба. — Моя — на его коже. Я прикасалась к нему. Этого достаточно для синхронизации.

Дроид зажужжал, сканируя следы эпителия на руке Глеба. Через несколько секунд зелёный огонёк на его корпусе загорелся, подтверждая личность.

Глеб стоял, чувствуя, как её пальцы всё ещё сжимают его запястье. Он не двигался, не дышал, боясь, что любой резкий жест может разорвать этот контакт.

— Теперь читай права, — сказала Кира, отпуская его руку и отступая на шаг. — И не затягивай.

Дроид начал монотонно зачитывать текст договора. Голографический экран между ними засветился, прокручивая длинные столбцы юридических формулировок.

«Протокол эмоциональной изоляции. Пункт 1: Запрет на зрительный контакт дольше трёх секунд... Пункт 2: Запрет на использование личных местоимений... Пункт 4-Бис: Стороны обязуются воздерживаться от актов заботы, которые могут быть истолкованы как рецидив привязанности...»

Глеб слушал, как дroid перечисляет пункты, и чувствовал, как его сердце колотится в груди. Каждое слово отдавалось в нём глухим стуком, словно гвозди, которые забивали в крышку его гроба. Это был не просто контракт. Это была смертная казнь их прошлого.

Когда дroid дошёл до пункта 8-Альфа, Кира усмехнулась вслух.

— «Любая совместно съеденная пища аннулирует страховой полис», — прочитала она, и в её голосе прозвучала откровенная насмешка. — Они серьёзно думают, что мы будем вместе ужинать? Мы даже дышать одним воздухом не можем.

Дроид проигнорировал её замечание и продолжил чтение. Глеб смотрел на экран, где бежали строки контракта, и чувствовал, как его пальцы дрожат.

— Подпись, — сказал дroid, выдвигая из своего корпуса небольшой ланцет. — Требуется ДНК-подтверждение.

Глеб шагнул вперёд, протянул палец к ланцету и, не моргнув, проткнул его. Капля крови выступила на подушечке, и дroid впитал её в свой сканер. Зелёный свет подтвердил подпись.

Очередь дошла до Киры. Она подошла к ланцету, взяла его в руки и на мгновение задержала дыхание. Затем она нажала на кнопку активации, но вместо того чтобы проткнуть палец, она направила острие на Глеба.

— Ты первым подписал контракт, — сказала она, и в её голосе зазвенела угроза. — Ты первым нарушил протокол, когда согласился на этот фарс. Теперь ты заплатишь за это.

Она сделала выпад, и Глеб инстинктивно отшатнулся, выставляя руки вперёд. Ланцет едва не коснулся его кожи, но в последний момент Кира отдернула оружие и рассмеялась — коротко, истерично, срывающимся голосом.

— Шучу, — сказала она, протыкая свой палец и прижимая его к сканеру. — Я просто проверяла твою реакцию. Хороший рефлекс. Наверное, за три года ты стал быстрее.

Дроид подтвердил подпись, и голографический экран погас. Контракт был подписан.

Глеб стоял, чувствуя, как его сердце колотится в груди. Он смотрел на Киру, которая стояла перед ним, сжимая в руке ланцет, и понимал, что эта женщина — не та, которую он когда-то любил. Это была совсем другая Кира. Холодная, расчётливая, способная на любую жестокость.

— Теперь дай мне генератор, — сказала она, протягивая руку. — Я хочу включить это поле сама.

Глеб замаялся. Переносной генератор стазис-поля был у него в кармане. Он должен был активировать его сам, следуя протоколу. Но он посмотрел в её глаза и увидел там вызов.

— Держи, — сказал он, протягивая ей генератор.

Кира взяла его, нажала на кнопку, и воздух между ними сгустился. Матовое стекло — невидимая, но абсолютно непроницаемая стена — разверзлась между ними, разделяя пространство на две половины.

Глеб отступил на шаг, чувствуя, как стена встаёт между ним и Кирой. Теперь они были разделены. Идеально. Навсегда.

Блок В: Юридический фарс (12:35 – 12:50)

Сцена подписания контракта превратилась в нелепый фарс, когда Кира, взяв ланцет в руки, начала демонстративно крутить его между пальцами.

— Знаешь, Глеб, — сказала она, рассматривая остриё, — я всегда мечтала о такой штуке. В карцере у нас были только пластиковые ложки. А это — настоящий металл. Острый, блестящий, почти как моя ненависть к тебе.

Глеб стоял, не двигаясь, и смотрел, как она вертит ланцет. Её пальцы двигались с хирургической точностью, перебирая инструмент, словно она держала в руках не оружие, а любимую игрушку.

— Ты ранила меня, — сказал он, и в его голосе прозвучала горечь. — Не сейчас. Тогда. В Эдеме. Ты выбрала науку, а не меня. Ты бросила меня ради своих экспериментов.

Кира остановилась. Она посмотрела на него, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Я бросила тебя? — переспросила она, и в её голосе слышалась ирония. — Это я бросила тебя? Глеб, ты нажал кнопку эвакуации, пока я ещё была внутри купола! Ты оставил меня умирать с колонистами! Если бы я не была гением и не придумала, как выбраться, я бы сейчас лежала там, в палеогене, как один из твоих камней!

Глеб вздрогнул. Слова Киры ударили его, как пощёчина. Он никогда не думал об этом в таком ключе. Он всегда считал, что она выбрала свою работу, а не его. Но она была права — он нажал кнопку, зная, что она ещё внутри.

— Я не знал, — прошептал он, чувствуя, как его голос срывается. — Я думал, ты уже вышла.

— Ты не думал, — отрезала Кира. — Ты просто выполнял протокол. Как всегда. Как хороший винтик.

Она посмотрела на ланцет в своей руке, затем перевела взгляд на Глеба.

— Знаешь, что самое смешное? — спросила она. — Я всё ещё люблю тебя. Я ненавижу тебя, но я люблю тебя. И это хуже любого яда.

Она поднесла ланцет к своему пальцу и, не раздумывая, проткнула подушечку. Капля крови выступила на коже, и Кира прижала палец к сканеру дроида.

— Я подписываю этот контракт не потому, что боюсь смерти, — сказала она, глядя прямо в глаза Глебу. — Я подписываю его, потому что хочу посмотреть, как ты будешь жить с этим знанием. С тем, что я люблю тебя, но никогда не прощу.

Дроид зажужжал, подтверждая её подпись. Голографический экран погас, и в ангаре воцарилась тишина.

Глеб стоял, чувствуя, как его тело онемело. Он смотрел на Киру, на её палец, из которого всё ещё сочилась кровь, и понимал, что она сказала правду. Она действительно любила его. И эта любовь была хуже любого яда.

— Теперь дай мне генератор, — сказала она, протягивая руку. — Я хочу включить это поле сама.

Глеб замаялся на мгновение, затем вытащил из кармана плоский металлический диск, похожий на старую монету. Он протянул его Кире, и она взяла его, не касаясь его пальцев.

— Спасибо, — сказала она с лёгкой насмешкой. — Ты всегда был щедрым на мелочи.

Она нажала на кнопку активации, и воздух между ними сгустился. Матовое стекло — невидимая, но абсолютно непроницаемая стена — разверзлась между ними, разделяя пространство на две половины. Глеб почувствовал, как стена встала между ним и Кирой, отсекая запахи, звуки, тепло.

Она стояла по ту сторону стекла, сжимая в руке ланцет, и улыбалась. Холодно, расчётливо, почти с удовольствием.

— Ну что, инспектор, — сказала она, и её голос прозвучал приглушённо, словно доносился из-под воды. — Пора спасать мир?

Блок Г: Активация стазис-поля (12:50 – 13:00)

Стазис-поле встало между ними, как ледяная стена, и Глеб почувствовал, как мир сузился до размеров его собственного тела. Он больше не чувствовал запаха Киры — ни её сладковатого дыхания, ни аромата её ядовитых растений. Не слышал её дыхания, не ощущал её тепла. Она была здесь, в двух метрах от него, но казалась далёкой, как звезда, погасшая миллионы лет назад.

Он смотрел на неё сквозь мутное стекло, и её лицо было размытым, нечётким, как в старом голофильме. Она стояла, скрестив руки на груди, и улыбалась той холодной, насмешливой улыбкой, которая так бесила его.

— Хорошая штука, — сказала она, кивая на поле. — Не думала, что он может быть таким эффективным. Я почти не чувствую твоего присутствия.

Глеб промолчал. Он стоял, чувствуя, как стена между ними становится всё более реальной, всё более плотной. Она не была физической, но её сила была абсолютной. Она отсекала всё, что когда-то связывало их.

Кира подошла к самому краю поля, остановилась в сантиметре от невидимой границы и приложила ладонь к стеклу.

— Видишь это? — спросила она, разглядывая свою ладонь сквозь мутную преграду. — Это моя рука. Я касаюсь стены, которая разделяет нас. И знаешь что? Мне не больно. Мне даже не грустно. Мне просто... пусто. И это лучший подарок, который ты мог мне сделать.

Глеб смотрел на её ладонь, прижатую к стеклу, и чувствовал, как внутри него поднимается волна гнева. Она говорила ему, что ей не больно, но он знал, что это ложь. Её глаза выдавали её. В них была та же боль, что и три года назад, в день их разрыва.

— Ты лжёшь, — сказал он, и его голос прозвучал глухо, словно он говорил в вакуум. — Тебе больно. Так же, как и мне.

Кира отняла руку от стекла и усмехнулась.

— Ты всегда умел читать мои мысли, — сказала она. — Но не забывай, что мы подписали контракт. Теперь мы не муж и жена. Мы не бывшие. Мы просто два индивида, которые работают над одной задачей.

Она сделала шаг назад, отступая от стены, и её лицо снова стало размытым.

— Давай выполним нашу работу, — сказала она. — И разойдёмся, как два безжизненных тела.

Она развернулась и пошла к капсуле, не оглядываясь. Глеб стоял, глядя на её спину, и чувствовал, как стена между ними становится всё более реальной. Она отсекала не только звуки и запахи — она отсекала его эмоции, его воспоминания, его прошлое.

Он смотрел на свои руки, сжимающие край сканера. Они дрожали.

— Кира, — сказал он, не повышая голоса, и она остановилась. — Я не хочу, чтобы мы расставались врагами.

Она обернулась и посмотрела на него через стекло. На мгновение её лицо смягчилось, и в её глазах мелькнула та искренность, которую он так хорошо помнил.

— Мы никогда не были врагами, Глеб, — сказала она. — Мы были просто людьми, которые не смогли простить друг друга.

Она исчезла в чреве капсулы, и Глеб остался один на один со стеной, которая разделила их навсегда.

Блок Д: Передышка перед бурей (13:00 – 13:10)

Глеб стоял в тишине ангара, чувствуя, как стазис-поле гудит где-то за спиной, отсекая его от Киры. Он смотрел на чёрную иглу «Ковчега», на её идеально гладкий корпус, на синие огни, которые пульсировали в такт её внутренним системам. Она была готова к прыжку. Они оба были готовы.

Глеб провёл рукой по воротнику своего комбинезона и нащупал под тканью тот самый камень из мелового периода — гладкий, тёплый, с белыми прожилками кварца. Он лежал в потайном кармане, прижатый к груди, и его присутствие успокаивало Глеба. Это был его маленький акт неповиновения системе, его связь с прошлым, которое он пытался забыть.

Он посмотрел на свои ботинки. На подошве левого остался зелёный след — сок растения, которое Кира раздавила у входа в ангар. Он оставил его там. Пусть анализаторы базы думают, что зараза уже покинула периметр. Пусть думают, что всё идёт по плану.

Где-то в глубине ангара раздался звук — лязг металла о металл, который на мгновение нарушил тишину. Глеб поднял голову и увидел, как из тени выходит дроид-юрист, его корпус мерцает в тусклом свете.

— Инспектор Глеб, — произнёс дроид, и его голос прозвучал мягко, почти человечески. — Я должен уведомить вас, что протокол эмоциональной изоляции активирован. Любое нарушение будет зафиксировано и передано в центр управления. Настоятельно рекомендую соблюдать дистанцию.

Глеб кивнул, не отрывая взгляда от капсулы.

— Я знаю, — сказал он. — Ты можешь идти.

Дроид развернулся и укатился обратно в тень, оставляя Глеба одного.

Он подошёл к капсуле, положил ладонь на холодный металл, и на мгновение закрыл глаза. Он чувствовал, как вибрация двигателей передаётся через корпус, как его сердце бьётся в такт этим вибрациям, готовясь к прыжку.

Кира была внутри, ждала его. Она была здесь, в двух шагах от него, но между ними была стена, которую нельзя было пересечь.

Глеб открыл глаза и шагнул вперёд.

Люк капсулы закрылся за ним с глухим гидравлическим лязгом, отсекая его от XXII века. Внутри было темно и тесно, и только тусклый красный свет аварийного освещения освещал узкое пространство. Кира сидела в ложементе напротив, её лицо было спокойным, почти безмятежным.

— Ты опоздал, — сказала она, не открывая глаз.

— Я проверял снаряжение, — ответил Глеб, занимая своё место.

Кира открыла глаза и посмотрела на него. Её взгляд был холодным и изучающим, как у врача, который осматривает пациента перед операцией.

— Ты испугался? — спросила она, и в её голосе мелькнула насмешка.

— Я всегда боюсь, — ответил Глеб, глядя прямо в её глаза. — Но я делаю свою работу.

Кира усмехнулась.

— Хороший ответ, — сказала она. — Ты научился врать красиво.

Она закрыла глаза и откинулась на спинку ложемента, готовясь к прыжку.

Глеб тоже закрыл глаза. Он чувствовал, как капсула начинает дрожать, как двигатели набирают обороты, как время начинает сворачиваться вокруг них.

Он сжал в кулаке камень из мелового периода и прошептал:

— Прости меня, Кира.

Свет стал ярче. Время пошло.

Массивный люк «Ковчега» закрылся с глухим гидравлическим лязгом, отсекая их от XXII века. Внутри капсулы воцарилась абсолютная тишина, нарушаемая только гулом работающих систем и редкими щелчками датчиков. Глеб и Кира сидели в ложементах, разделённые всего несколькими метрами, но разделённые целой вечностью.

Капсула начала своё движение вперёд, в палеогеновый период, в самое сердце биокупола «Эдем», где лежали тела первых людей и бродила Хронофага. Они отправлялись на спасение

человечества, но каждый из них знал, что самое сложное им только предстоит. Не Хронофага, не генетический якорь, не двадцать четыре часа — а то, что они будут вынуждены смотреть друг другу в глаза, зная, что между ними больше нет ничего, кроме стены.

Но за этой стеной была любовь. И ненависть. И прощение, которое они не могли дать друг другу.

И время, которое утекало сквозь пальцы.

Глава 5. Сбор снаряжения, или Анатомия саботажа

«Стандартный набор выживания рассчитан на среднестатистического примата. Кира не была среднестатистическим приматом».

Блок А: Склад вещевого довольствия СХБ (13:15 – 13:25)

Запах въелся в поры униформы Глеба раньше, чем он успел сделать второй шаг. Это был специфический аромат Озера — так на сленге сотрудники СХБ называли подземный логистический терминал уровня «Альфа». Где-то в недрах гигантского склада, за бесконечными рядами стеллажей, стояли контейнеры с запрещёнными артефактами и оборудованием, которое не видело света десятилетиями. Но сейчас его интересовало только то, что лежало перед ним. Обычное, стандартное, протокольное снаряжение, от которого воняло машинным маслом, консервационной смазкой для темпоральных батарей и старой пластмассой, плавящейся под лампами накаливания.

Глеб стоял перед широким металлическим столом, на котором роботизированная рука выгружала его заказ. Флуоресцентные лампы под потолком мигали с лёгкой, раздражающей частотой, и этот ритм, казалось, синхронизировался с тиканьем часов в его импланте. Каждый вдох — запах нагретого металла и озона. Каждый выдох — желание поскорее убраться из этого места.

Рядом с ним стояла Кира. Она молчала, изучая стеллажи с тем же любопытством, с каким когда-то изучала анатомию редких животных, найденных в палеогене. Её руки — длинные, с тонкими пальцами, унизанными небольшими, едва заметными шрамами — были скрещены на груди. Она была всё ещё босая, и её бледные ступни касались холодного металлического пола, словно она искала точку опоры среди этого мира искусственных запахов и чужой жизни. Глеб заметил, что на её левой лодыжке всё ещё виднелся тонкий, почти стёршийся след от магнитного браслета. Кожа там была чуть темнее, чем на остальной ноге, словно память о металле въелась в тело.

— Ты уверена, что тебе нужен именно этот ящик? — спросил Глеб, не оборачиваясь. Он нажал кнопку подтверждения на сенсорной панели, и система выдала ещё одну партию коробок с маркировкой «Рацион-Альфа».

Кира не ответила. Она подошла к одному из стеллажей и провела пальцем по пыльной упаковке консервов. Её лицо не выражало ни интереса, ни отвращения — только холодную оценку. Как врач, осматривающий пациента, у которого нет шансов на выздоровление.

— Здесь нет ветеринарного набора, — сказала она наконец, и её голос прозвучал тихо, но отчётливо, как удар хлыста. — Я просила его. Два часа назад.

Глеб замер. Он поднял голову и посмотрел на неё через плечо. Свет ламп падал на её лицо под странным углом, отчего тени делали её скулы острее, а глаза глубже. Она выглядела почти инопланетной, как существо из другого временного слоя, которое случайно занесло в этот серый мир.

— Мне не сообщали о таком запросе, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты говорила с логистикой?

— Я говорила с системой, — отрезала Кира. — Твоя система глуха, как твой протокол. Я сказала: «Мне нужен ветеринарный набор для крупного рогатого скота, потому что у ваших адренолиновых шприцев срок годности истекает через два года, и в условиях радиации палеогена они превратятся в яд через неделю». Система ответила: «Запрос отклонён. Требуется утверждение уровня «Альфа»». — Она повернулась к нему, и на её губах заиграла холодная усмешка. — Это был твой уровень, инспектор. Ты утвердил мой запрос?

Глеб почувствовал, как кровь прилила к лицу. Он помнил этот запрос. Час назад, когда они только вошли в логистический терминал, его нейроинтерфейс мигнул, оповещая о поступлении заявки. Он пролистал её, не вчитываясь, и нажал «Подтвердить» — механически, как делал сотни раз. Система была настолько зарегулирована, что любой запрос, даже самый странный, проходил через цепочку согласований, и Глеб давно перестал обращать внимание на детали. Но сейчас, когда Кира смотрела на него с этим холодным, изучающим взглядом, он понял, что ошибся.

— Я подтвердил его, — сказал он, чувствуя, как его голос звучит глухо. — Но система перенаправила его в отдел вооружений. Они решили, что ты запрашиваешь биологическое оружие.

Кира коротко, беззвучно рассмеялась. Её смех был похож на треск ломающегося льда.

— Они решили, что я запрашиваю биологическое оружие, — повторила она, медленно, словно пробуя слова на вкус. — Конечно. Потому что генетик класса «Омега», сидевшая в карцере три года, не может просить ветеринарный набор для того, чтобы провести калибровку анализаторов на знакомом органическом материале. Нет. Она, конечно, планирует уничтожить всё живое вокруг, вырастив новый вид супербактерий из просроченного адренолина.

Глеб промолчал. Он знал, что не прав. Он знал, что система СХБ была не просто бюрократической машиной — она была живым организмом, который боялся любого отклонения от нормы. И Кира, с её ядовитым умом и разрушительной харизмой, была для неё самой страшной угрозой. Её запрос на ветеринарный набор мог быть истолкован как попытка саботажа — точно так же, как её любимые светящиеся растения в карцере могли быть расценены как попытка выращивания психотропных веществ.

— Я разберусь, — сказал он, отворачиваясь и нажимая кнопку вызова оператора. — Я запрошу набор вручную.

Кира стояла, не двигаясь, и наблюдала за ним. Её взгляд прожигал его спину, и Глеб чувствовал этот взгляд как физическое давление, как прикосновение холодного скальпеля к основанию черепа.

Оператор — молодой техник в синем комбинезоне с бледным лицом и встревоженными глазами — появился через минуту. Глеб в двух словах объяснил ситуацию, стараясь не смотреть на Киру. Техник замялся, но, увидев значок инспектора, кивнул и пообещал решить вопрос.

— Через пятнадцать минут будет, — сказал он, пятясь задом в проход между стеллажами. — Я сам принесу.

Когда он исчез, Кира медленно подошла к столу, на котором лежали коробки со снаряжением Глеба. Она провела пальцем по упаковке одного из рационов, и на её губах снова заиграла та же холодная усмешка.

— Ты всегда был таким, Глеб, — сказала она. — Исправлял чужие ошибки, не замечая собственных. Это, — она похлопала по коробке, — вот это — твоя жизнь. Бесконечное исправление того, что уже сломано, без надежды, что когда-нибудь оно перестанет ломаться.

Глеб сжал челюсти. Он хотел ответить, что она не имеет права судить его, что она сама создала этот хаос, что её амбиции стоили жизни колонистам. Но он промолчал. Нейростимулятор в его голове уже начал нагреваться, готовый к уколу. Протокол эмоциональной изоляции работал, и каждое слово, которое он мог сказать, было бы расценено как нарушение. Он не хотел боли.

Кира отвернулась и направилась к одному из ящиков с маркировкой «Био-опасность». Глеб заметил, что на её спине, под тканью оранжевой робы, проступали тонкие линии — шрамы от старых ран, которые, видимо, остались после карцера. Она не пыталась их скрыть, как он скрывал свой ожог под воротником. Она носила их открыто, как боевые награды.

— Я хочу видеть содержимое, — сказала она, указывая на ящик. — Перед тем, как мы его загрузим.

Глеб подошёл к ящику и приложил свою ладонь к сканеру. Крышка открылась с мягким шипением, и внутри, на тёмном бархатистом ложе, лежали три комплекта термобелья. Они были стандартными, серыми, с логотипом СХБ на груди.

— И это всё? — спросила Кира, заглядывая внутрь. — Ваш набор выживания — это три комплекта белья, рационы и фильтры?

— Ты знаешь, что мы не можем взять тяжелое вооружение, — сказал Глеб, закрывая ящик. — Хронофага не убьёшь обычным оружием.

— Я не про оружие, — отрезала Кира. — Я про то, что ты, как инспектор, должен был предусмотреть возможность того, что мы застрянем в палеогене дольше, чем на сутки. А твой набор рассчитан ровно на девяносто дней. Это смешно.

Глеб промолчал. Он знал, что она права. Но он также знал, что система не позволит им взять больше, чем положено по протоколу. Любое отклонение от стандарта будет расценено как подозрение в саботаже, и миссия будет отменена.

В этот момент из прохода между стеллажами показался техник с ветеринарным набором. Он остановился в нескольких метрах от Глеба, держа коробку в руках, и его лицо было бледнее обычного.

— Инспектор, — сказал он, протягивая коробку. — Я принёс, как вы просили.

Кира шагнула вперёд, взяла коробку и, не глядя на техника, вскрыла её ногтем. Внутри, на мягкой чёрной подложке, лежали три ампулы адреналина, упакованные в вакуум. Кира взяла одну, поднесла к свету, и на её губах заиграла настоящая, искренняя улыбка — первая улыбка, которую Глеб видел за всё время их нового знакомства.

— Органический стабилизатор, — прошептала она. — Настоящий. Не синтетика. Спасибо, инспектор. Ты не ошибся на этот раз.

Глеб стоял, чувствуя, как его сердце бьётся быстрее. Её улыбка была как солнечный свет в этом сером мире — яркая, тёплая и невыносимо болезненная. Он отвернулся, боясь, что протокол зафиксирует его эмоции как нарушение.

— Погружай, — сказал он, указывая на платформу. — У нас мало времени.

Блок Б: Арсенал Глеба — Триумф паранойи (13:25 – 13:40)

Методичность, с которой Глеб укладывал своё имущество в герметичный ранец, была не просто актом подготовки. Это была молитва. Ритуал, который он повторял перед каждой миссией, чтобы заставить свой разум подчиниться порядку, который царил в его рюкзаке. Каждая вещь имела своё место, и если что-то лежало не так, как он привык, мир вокруг начинал рушиться. Именно поэтому он проверял каждый мембранный клапан фильтра лично, поднося его к губам и дуя в него. Звук должен был быть строго определённой тональности — глухой, с лёгким свистом, как у старой флейты, которую он слышал в каком-то голофильме из детства. Если звук был другим — если он становился резче или, наоборот, глуше — Глеб брал следующий фильтр и проверял его. У него было шесть фильтров, и он проверил все шесть, прежде чем уложить их в боковой карман ранца.

Рядом с ним, на другом конце стола, Кира сидела на корточках, изучая содержимое ящика с оборудованием для анализа. Она не помогала ему. Она даже не смотрела в его сторону. Но Глеб чувствовал её присутствие — как тень, которая всегда была на периферии его зрения, как холодное дыхание, касающееся его шеи. Её молчание было громче любого крика.

Он разобрал оба стазера до винтика — это заняло у него три секунды ровно. Его пальцы двигались с хирургической точностью, откручивая крепления, проверяя заряд конденсаторов, оценивая состояние проводов. Он мог бы сделать это с закрытыми глазами, и он почти так и делал, потому что его мысли были заняты другим. Он думал о том, что она сказала в ангаре. «Я всё ещё люблю тебя. Я ненавижу тебя, но я люблю тебя». Эти слова крутились в его голове, как пластинка, которая заела, повторяя один и тот же фрагмент.

— Ты слишком долго возишься с ними, — раздался голос Киры. Она стояла рядом, опершись рукой о стол, и смотрела на его руки. — Конденсаторы могут быть не заряжены, если ты будешь трогать их каждую минуту. Они теряют заряд.

— Они не теряют заряд, — ответил Глеб, не поднимая головы. — Это не батарейки.

— Всё теряет заряд, инспектор, — сказала Кира, и в её голосе мелькнула насмешка. — Даже твоя уверенность.

Глеб сжал челюсти и молча собрал стазер, защёлкнув корпус. Он проверил спусковой крючок, прицельную планку и индикатор заряда. Всё было в порядке. Он убрал оружие в правый боковой карман, туда, где его можно было достать за долю секунды.

На столе остались инструменты. Его мультитул из обеднённого урана весил почти два килограмма и был самым ценным предметом в его арсенале. Он служил ему молотком, ломом и, в редких случаях, защитой от радиации. Глеб провёл пальцем по шершавой поверхности рукоятки, чувствуя холод и тяжесть металла. Он купил этот мультитул на чёрном рынке пять лет назад, заплатив за него годовое жалованье. Ему не разрешали пользоваться таким оборудованием по протоколу — уран считался слишком дорогим и опасным материалом, чтобы использовать его в бытовых целях. Но Глеб всегда был готов к худшему. Хуже, чем обеднённый уран, была только пустота.

Он уложил мультитул в специальный карман внутри ранца, рядом с мотком медной проволоки и куском канифоли. Эти предметы были архаикой XXI века, которые он нашёл в одном из старых складов и сохранил для себя. Проволока и канифоль не входили ни в один протокол, но Глеб знал, что они могут понадобиться ему для починки высокотехнологичной электроники Киры, если та выйдет из строя. Она была гениальным генетиком, но в механике, как он помнил, была полным нулём. Если её секвенсор сломается, она не сможет его починить. И тогда спасение человечества станет невозможным.

— Ты спрятал что-то в подкладке, — сказала Кира, и её голос прозвучал почти заинтересованно. Она подошла ближе и присела на корточки рядом с его рюкзаком, разглядывая его с тем же любопытством, с каким она рассматривала свои растения. — Я вижу это по тому, как ты двигаешь пальцами. Ты боишься, что я замечу.

Глеб замер. Он не думал, что она будет следить за его движениями. Он был уверен, что её внимание поглощено собственным снаряжением. Но она была права. Внутри подкладки лежала медная проволока и канифоль, и он действительно боялся, что она заметит.

— Я готовлюсь к худшему, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Если твоя техника сломается, у меня будет план Б.

Кира усмехнулась. Она встала и отошла на шаг, скрестив руки на груди. Её глаза были холодными и изучающими, как у врача, который уже поставил диагноз, но хочет проверить свои догадки.

— Ты всегда был таким, Глеб, — сказала она. — Готовился к худшему, пропуская лучшее. Ты готовишься к тому, что я сломаю технику, но не думаешь о том, что мы можем просто не дожить до момента, когда она понадобится.

Глеб промолчал. Он закрыл рюкзак и застегнул замок, чувствуя, как его пальцы дрожат. Он не хотел смотреть на неё, но не мог отвести взгляда.

— Ты права, — сказал он тихо. — Я готовлюсь к худшему. Потому что лучшее уже случилось. И я его потерял.

Кира на мгновение замерла. Она смотрела на него с выражением, которое Глеб не мог прочесть — смесь удивления, боли и чего-то ещё, что он не решался назвать. Затем она отвела взгляд и отошла к своему столу.

— Погружай, — сказала она, и в её голосе снова появилась сталь. — У нас мало времени.

Глеб посмотрел на свои руки. Они дрожали. Он убрал рюкзак на платформу, чувствуя, как его сердце колотится в груди. Миссия начиналась.

Блок В: Контрабанда Киры — Эстетика порчи (13:40 – 13:55)

Когда рюкзак Киры проходил через рентген-сканер на контрольном пункте, дроид-охранник замер. Его оптические сенсоры моргнули красным, и система тревоги издала короткий, пронзительный писк. Глеб почувствовал, как его сердце сжалось.

Рюкзак Киры — старый, потёртый, с нашивками каких-то экзотических растений и лабораторных обозначений — выглядел как случайный набор предметов, которые могли принадлежать археологу, беглому преступнику или сумасшедшему учёному. Но Глеб знал, что внутри него лежат вещи, которые система СХБ никогда бы не разрешила вывезти. Он понял это ещё в тот момент, когда Кира впервые появилась в карцере, и теперь его опасения подтверждались.

— Конфисковать, — произнёс дроид-охранник своим монотонным, синтезированным голосом. — Сигнатура содержимого соответствует категории биологической угрозы высшего уровня. Требуется ручной досмотр.

Глеб стоял, чувствуя, как его тело становится чужим. Он знал, что ему придётся самому вытряхнуть содержимое рюкзака на металлический стол, и эта мысль вызывала у него тошноту. Он не хотел видеть, что она собрала. Он боялся, что это будет разрушительным. Но приказ есть приказ.

Он подошёл к столу, отстегнул клапан рюкзака и перевернул его вверх дном. На холодный металл посыпались странные, несовместимые предметы, которые выглядели как элементы чужого мира, попавшие в эту серую реальность. Глеб смотрел на них, и его руки начинали дрожать.

Первым выпал ящик земной клубники. Он был небольшим, размером с обувную коробку, но внутри него, в прозрачном гидропонном кубе, пульсировала живая зелень. Листья были яркими, насыщенного цвета, и среди них уже алели несколько спелых ягод. Ящик пах сладко, почти приторно, и этот запах был таким чуждым в этом мире машинного масла и озона, что Глеб на мгновение забыл, где находится. Он видел, как свет флуоресцентных ламп отражается от капель воды на листьях, и эти капли дрожали от его дыхания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.